

МОНИКА МАККАРТИ

Коварный искуситель

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Моника Маккарти
Коварный искуситель

«Издательство АСТ»

2011

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Маккарти М.

Коварный искуситель / М. Маккарти — «Издательство АСТ»,
2011 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-136971-2

Гордая графиня Изабелла Макдуфф не побоялась бросить вызов английскому королю и противостоять собственному мужу ради свободы родной страны – и жестоко за это поплатилась. У нее отняли дочь, ее мучили, истязали и держали в нечеловеческих условиях. И теперь ее единственная надежда и спаситель – Лахлан Макруайри, вырвавший ее из когтей злодея-супруга и поклявшийся доставить ко двору Роберта Брюса, невзирая на многочисленные опасности. Однако суровый, закаленный в боях, циничный воитель не вызывает у молодой женщины доверия. Иное дело – страсть, слишком скоро сменившая страх. Но можно ли втайне сгорать от любви к мужчине, при этом ни на миг ему не веря?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-136971-2

© Маккарти М., 2011

© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Моника Маккарти

Коварный искуситель

Monica McCarty

THE VIPER

© Monica McCarty, 2011

© Перевод. Е.Ю. Елистратова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Предисловие

Период с марта 1306 года, когда Роберт Брюс совершил отчаянную попытку заполучить шотландскую корону, до конца лета 1308-го, когда разгромил клан Макдугаллов в битве на перевале Брандер, являет собой пример одного из самых драматичных в истории падений с последующим взлетом.

Брюс проиграл уже к сентябрю 1306-го, через шесть месяцев после того, как был коронован в местечке Скун руками Изабеллы Макдуфф, графини Бьюкен. Король был вынужден бежать из своего королевства в поисках убежища за пеленой мрачных туманов Западных островов, но спустя полгода, преодолев мертвую хватку несомненного разгрома, с помощью тайного отряда лучших воинов, известного как Шотландская гвардия, Брюс вернулся в Шотландию и расправился не только с англичанами, но и с шотландскими лордами, которые восстали против него.

Однако не все сторонники Брюса сумели избежать гнева самого могущественного в христианском мире короля Эдуарда Плантагенета, самопровозглашенного «молотом шотландцев». Многим пришлось заплатить самую высокую цену, другие до конца дней страдали в застенках.

В это жестокое время, когда черта между жизнью и смертью зачастую была иллюзорна как тень, Брюс вновь призвал под свои знамена легендарных воинов Шотландской гвардии в надежде вернуть себе свободу.

Пролог

«Поскольку не сокрушила она мечом, то и не умрет от меча, но вследствие незаконной коронации, которую совершила, да будет она заточена в тесное обиталище из железа и камня в форме креста и да будет подвешена за стеной под открытым небом в Берувике, при жизни и после ее смерти, дабы была она выставлена напоказ и вечное порицание проезжающих путников».

Приказ Эдуарда I о заключении Изабеллы Макдуфф, графини Бьюкен

Замок Берувик, Берувик-апон-Твид, Английская Марка близ шотландской границы, конец сентября 1306 года

Они пришли за ней.

Белла услышала, как открылась дверь, и увидела констебля в сопровождении нескольких стражников. Но ее ум по-прежнему отказывался принимать правду.

Это происходит не наяву. Этого просто не может быть.

В те недели, пока для нее строили особую тюрьму, Белла твердила себе, что кто-то непременно вмешается и положит конец этому варварству под маской правосудия.

Ее обязательно спасут.

Вдруг Эдуард I все-таки смягчится, как было в случае с дочерью и супругой Брюса, и отправит ее в монастырь? Или, может статься, бывший супруг Беллы, граф Бьюкен, смирит свою ненависть и будет умолять о милосердии от ее имени?

Пусть враги ее ничего не сделают. Но ведь она может рассчитывать на помощь друзей? Брат мог бы употребить свое влияние, ведь он любимчик сына короля, или Роберт... Роберт должен что-нибудь сделать. Не может он бросить ее в несчастье после всего, чем она рискнула ради того, чтобы возложить на его голову корону.

В минуты слабости она даже твердила себе, что, возможно, заблуждается насчет Лахлана Макруайри: может, прослышав о том, что придумал для нее Эдуард, он вернется и найдет способ ее освободить.

Ну не могут эти мужчины бросить ее на произвол судьбы.

Увы, никто так и не пришел, никто не вмешался. Эдуард вознамерился наказать ее так, чтобы другим неповадно было; муж ее презирал; а брат и сам был узником, пусть и привилегированным; Брюс сражался за собственную жизнь, а Лахлан... был одним из тех, кто засадил ее сюда.

Белла была совсем одна, если не считать кузину Маргарет, которой предстояло стать ее служанкой, – единственная уступка ее благородному происхождению, на которую расщедрился Эдуард.

Комендант замка Берувик, сэра Джон де Сигрейв, один из полководцев Эдуарда в военной кампании против Шотландии, смущенно откашлялся, избегая встречаться с ней глазами. Похоже, даже приспешник Эдуарда не одобряет чинимое своим королем «правосудие».

– Час настал, миледи.

Приступ ужаса мгновенно сковал Беллу так, что сердце, казалось, перестало биться. Она застыла, как лань при виде охотника, затем включился инстинкт, запуская безумный ток крови в жилах. Она почувствовала неодолимое желание бежать куда глаза глядят, прочь от стрелы, нацеленной прямо в сердце.

Похоже, один из стражников угадал ее мысли, потому что выступил вперед, схватил за руку и потянул, заставляя встать. От его прикосновения Беллу передернуло. Ее бросало в

дрожь при одном виде сэра Саймона Фитцхью, жестокого капитана гвардии, с его красным, вечно потеющим лицом, зловонным дыханием и похотливыми взглядами.

Он потащил ее к двери, но она вздумала было сопротивляться: отпрянула назад, упиравшись ногами в каменный пол, отказываясь двигаться, – пока не увидела его ухмылку. Злорадные огоньки в его глазах сказали ей, что именно этого он и ждал: сопротивления, чтобы видеть ее страх. Хотел протаскать ее через весь замковый двор, на глазах у всех, чтобы унижить и опозорить.

Осознание этого ослабило ее сопротивление. Белла окинула мучителя ледяным взглядом и жестко потребовала:

– Убери руки!

В глазах его вспыхнул гнев, и Белла поняла, что совершила ошибку, выказав высокомерное презрение. Позже, когда окажется всецело в его власти, ей придется сполна заплатить за свои слова: негодяй не совершит над нею насилия – пусть ее заклеямили как мятежницу и признали виновной в предательстве, но она все еще графиня, – зато отыщет другие способы наказать ее и превратить жизнь в ад в следующие...

Новый приступ панического ужаса сковал сердце Беллы. Дни? Месяцы? Она пыталась проглотить ком в горле. О господи – а что, если годы?

Она почувствовала горечь желчи во рту. Желудок скрутило судорогой, когда вслед за комендантом Белла вышла из комнатки при караулке, что служила ей временной тюрьмой.

Первое, что заметила она, шагнув наружу после месяца заточения, был вовсе не яркий дневной свет, и не свежий воздух, и не огромная толпа, которая собралась, чтобы смотреть на ее мучения, а пронзительный ветер и резкий холод, пробирающий до костей. Тяжелые шерстяные одеяния, в которые она закуталась, вмиг показались ей невесомыми, точно тоненькая нижняя сорочка.

Такой жуткий холод – в сентябре. А что же будет в декабре или в январе, когда ее подвешат на вершине башни, где защитой от жестоких восточных ветров будут лишь железные прутья клетки-тюрьмы? Ее пронзила дрожь.

И это не укрылось от ее тюремщика.

– Кажется, зима в этом году ранняя, не так ли, графиня? – Ее титул мерзавец произнес с издевкой, а потом ткнул пальцем вверх, в направлении башни, наклонился ближе, опаяя ее кожу зловонным дыханием. – Гадаете, уютно ли будет в вашей клетке в снег и ледяной дождь? Я готов вас согреть, если попросите полюбезнее!

Он буквально ощупывал глазами ее грудь, и она почувствовала себя нечистой, хотя была закутана в толстые шерстяные одежды до самого подбородка. Похоть в его взгляде ощущалась буквально физически, и эту вонючую мерзость не смыть, сколько ни три себя мочалкой.

От отвращения Белла вздрогнула, запретив себе смотреть в том направлении, куда указывала его рука, иначе им придется тащить ее волоком через двор замка. Нельзя, чтобы он видел ее страх: уж лучше замерзнуть до смерти, чем дать ему возможность испытать триумф.

Глаза Фитцхью вспыхнули злобой – мучитель понял, что она не лукавит, и сплюнул на пол буквально в дюйме от шитого золотом подола ее дорогого платья.

– Надменная сука! Через недельку-другую у тебя поубавится спеси!

Тут он ошибался: гордость – это все, что у нее осталось, что придаст ей сил и поможет выжить. Ведь она Макдуфф, представительница древнего рода мормэров Файфских – высочайшего в Шотландии, дочь графа, сестра графа да еще и жена графа, пусть и нарушившая супружеские обеты.

У английского короля нет никакого права ее судить, и тем не менее он приговорил ее, да еще с небывалым варварством, в назидание: чтобы охладить пыл мятежников, осмелившихся поддержать притязания Роберта Брюса на шотландский престол.

Ни благородная кровь, ни принадлежность к женскому полу не стали для нее защитой: Эдуарду Плантагенету, королю Англии, до этого не было дела. Ведь она посмела короновать мятежника, и за это преступление ее подвешат в клетке на самой высокой башне замка Берувик, открытой всем стихиям и любопытным взглядам, чтобы каждый мог увидеть ее и содрогнуться от страха.

Белла и представить не могла, чего будет стоить ей один безрассудный поступок. Дочь. Свобода. А теперь... это.

Она хотела совершить что-то очень важное: помочь родной стране, исполнить свой долг, – но вовсе не в назидание кому бы то ни было.

Этого не должно было случиться.

Господи, какой наивной дурой она была! Именно так сказал Лахлан, обвиняя ее в самоуверенности, бескомпромиссности и непоколебимом максимализме.

А теперь посмотрите-ка на нее!

И все же не могла она согласиться с Лахланом: не может он быть прав. Иначе ради чего все это?

Нет, не стоит думать об этом негодяе: слишком уж больно. Как он мог так поступить? Возможно, потом – у нее ведь будет достаточно времени, чтобы проклясть Лахлана Макруайри. Чтоб ему провалиться в преисподнюю, откуда он, несомненно, и появился!

Руки сами собой сжались в кулаки. Нет, она не должна показывать им свой страх. Они не смогут сломить ее. Так твердил ей разум, но сердце испуганно трепетало, когда она медленно шла через замковый двор.

Но что происходит? Толпа, которую собрали, чтобы орать, свистеть, улюлюкать, называть ее грязными словами и швырять в нее гнилыми яблоками и объедками, безмолвствовала: вокруг царила гробовая тишина.

Жители прославленного ярмарочного городка, когда-то принадлежавшего Шотландии, не понаслышке знали о неумолимой жестокости английского короля. Десятью годами раньше Берувик пал, а его жители были перебиты, что стало актом величайшей жестокости, совершенным в ходе долгой и опустошительной войны между Англией и Шотландией. Ни женщинам, ни детям, ни старикам – никому не было пощады в той бойне, которая продолжалась двое суток и унесла тысячи жизней.

Безмолвие толпы было протестом, знаком осуждения, предостережением королю Эдуарду и свидетельством чудовищной несправедливости.

От нахлынувших чувств Белла ощутила стеснение в груди, глаза жгло от подступивших слез. Нежданно-негаданно она поняла, что вовсе не одинока: у нее все-таки есть поддержка. Не все покинули ее! И все же тонкие нити гордости, которые не давали ей пасть духом и телом, угрожающе натянулись.

Что-то мелькнуло в воздухе: она уловила движение краешком глаза и инстинктивно отпрянула, опасаясь, что кто-нибудь все-таки чем-нибудь в нее запустит, – но вместо гнилого яблока или тухлого яйца увидела у своих ног бутон алой розы.

Один из стражей попытался остановить ее, когда она нагнулась поднять цветок, но она остановила его взмахом руки и громко произнесла:

– Это всего лишь роза! Неужели воины Эдуарда боятся даже цветов?

Издевка в ее голосе была услышана, и толпа отреагировала смешками и язвительными замечаниями. Рыцарям Эдуарда полагалось быть образцом благородства, но ничего подобного не было в том, что совершалось в этот день.

Фитцхью хотел было вырвать розу из ее руки, но его остановил сэр Джон:

– Не стоит. Проявим милосердие: какой вред в цветке?

Белла подоткнула розу под фамильную брошь Макдурфов, скреплявшую полы подбитой мехом накидки, и склонила голову в знак признательности за безмолвную поддержку толпы.

Розовый бутон – при всей его незатейливости – придал ей сил: не все ее покинули, шотландцы с ней, – но, войдя в башню, узница оказалась в полном одиночестве. Мрак внезапно окутал ее, как могильное нутро. Мысли о безрадостном будущем уже не отпускали Беллу. Каждый шаг становился медленнее и тяжелее предыдущего, давался с большим трудом, пока ее вели вверх по узкой лестнице, похожей на колодец. Ей казалось, что она погружается в трясины, глубже и глубже, и беспомощно тонет, не в силах выбраться.

Она попыталась прогнать страх, но он вгрызлся в нее как стая голодных волков.

Наконец они дошли до самого верха и остановились на запруженной людьми лестнице, пока комендант возился с новеньким замком на двери, ведущей к зубчатому навершию башни. Здесь будет выставлена охрана, чтобы исключить любую возможность побега узницы.

Наконец дверь распахнулась, и порывом ветра Беллу чуть не сбило с ног.

Боже правый! Она и представить себе не могла, что будет так холодно! Белла инстинктивно отпрянула, отказываясь сделать шаг вперед, но стражники за ее спиной сомкнули строй, вынуждая выйти на крышу.

Ветер хлестал так, что едва не сорвал с плеч накидку, и ей пришлось вцепиться в полы руками и выйти к башенным зубцам. Похоже, от неизбежной расправы не уйти. Она медленно подняла глаза, чтобы рассмотреть наконец то, к чему приговорил ее Эдуард, и с губ ее слетел испуганный вскрик. Белла знала, чего ожидать, но ноги все равно подкосились при виде встроенной в парапет клетки из железа и камня, имевшей форму креста.

Крест! Рассматривая это чудовищное сооружение, Белла меньше всего думала о христианстве. Деревянные решетчатые стены перекрещивались железными прутьями и удерживались между зубцами парапета посредством камня и металлических скоб. Клетка больше напоминала склеп – не более шести футов в длину и четырех в ширину. Господи, да она не сможет там повернуться! Не было даже кровати, лишь соломенный тюфяк, на котором ей предстояло спать. Маленькая жаровня была слабым спасением от пронизывающего холода. В один из углов был вделан грубый табурет, а в другом стоял деревянный ящик с крышкой...

Ее затошнило, когда она поняла, что это такое. Ей не позволят даже выходить в уборную: нужду придется справлять в этот ящик, – ее хваленая сила воли начала давать сбой.

Белла инстинктивно попятилась, но тюремщик был начеку:

– Передумали, графиня? Как по мне, так слишком поздно. Надо было думать головой, прежде чем бросать вызов величайшему королю всего христианского мира!

Так стояла она на башне и разглядывала жуткую клетку, понимая, что придется в нее войти. Вот только получится ли из нее выйти? И Белла, к собственному стыду, вынуждена была признаться себе: ее решимость дрогнула. Может, негодяй прав? В этот момент ее убеждения и вера в правоту собственного поступка дрогнули под напором ужаса... но всего на одно мгновение.

Это просто клетка, сказала она себе. Ей выпадали испытания и похуже: когда обвинял и подозревал муж; когда ее гнали по всей Шотландии, точно собаку; когда предал мужчина, которому доверилась; но самым страшным была разлука с дочерью.

Мысль о дочери придавала Белле сил. Она должна все вынести, чтобы вновь увидеть Джоан.

– Он мне не король.

Изабелла Макдуфф, посмотрев своему грязному мучителю прямо в глаза, с высоко поднятой головой вошла в железную дверь своей клетки.

Глава 1

Замок Балвени, графство Мори, шесть месяцами раньше

Белла не видела ничего вокруг. Мысли метались – столько всего нужно было сделать перед отъездом. Брошь! Семейную драгоценность Макдуффов нужно непременно надеть на церемонию.

Вот и отсутствие в дверях стражи она заметила лишь тогда, когда было слишком поздно. Ее застали врасплох, напав сзади, когда она входила в свою спальню. Это было так неожиданно и страшно, что сердце ее чуть не выпрыгнуло из груди. Нежданный гость прямо-таки излучал опасность: громила, гора мышц – сопротивляться такому все равно что сражаться со скалой.

Но Белла не собиралась сдаваться без боя: пытаясь освободиться, лягнула его ногой, но он лишь сильнее стиснул ее своими ручищами. Закричать не позволила его ладонь, зажавшая рот.

– Не дергайтесь! – хрипло сказали ей на ухо. – Я не сделаю вам ничего дурного. Я здесь, чтобы отвезти вас в Скун.

Она замерла, впитывая его слова сквозь пелену страха. Скун? Но ей надлежит ехать в Скун только завтра. Люди Роберта должны разыскать ее в лесу, когда она будет возвращаться из церкви, а не похищать из замка.

Ее сердце бешено стучало, пока она пыталась уразуметь, что к чему, и решить, можно ли доверять незнакомцу. Но сильная рука, затянутая в кожу, вдруг сдавила ее плечи. Боже правый, этот грубиян мог бы переломить ее надвое, стоило только нажать посильнее.

Так они стояли в полутьме, не двигаясь, пока он ждал, когда его слова дойдут до ее сознания.

– Вы понимаете?

Грубый голос не способствовал тому, чтобы она успокоилась, но разве у нее был выбор? Она едва ли не задыхалась, когда его рука так плотно зажимала рот. Кроме того, он мог бы давно ее прикончить, если бы это входило в его планы. Это немного успокоило, и Белла кивнула, а как только он отпустил ее – медленно и очень осторожно, – и воздух вновь наполнил ее легкие, обернулась к нему с яростью и негодованием:

– Что все это значит? Кто...

Слова застряли в горле, стоило рассмотреть нападавшего. Даже того тусклого света, что пропускало окошко башни, было достаточно, чтобы понять: он очень опасен и явно не из тех, с кем захотелось бы остаться наедине не то что в темноте, но даже при свете дня. Сердце Беллы сжалось от страха.

Господь все милостивый на небесах! Неужели Роберт действительно послал к ней этого человека?

Своим телосложением он мог внушить робость кому угодно: высокий и широкоплечий – сплошь мускулы, просто гора мускулов, могучий воин до кончиков ногтей, крепкий, сильный, опасный. Но ей хватило одного взгляда, чтобы понять: он не рыцарь. У него был вид воина, рожденного для битв, даже скорее варвара, способного драться даже в сточной канаве.

Кажется, того оружия, что было приторочено к его поясу, хватило бы для снаряжения небольшой армии. А еще она заметила рукояти двух мечей, расположенных на спине крест-накрест. Брони на нем не было: только черная кожаная стеганая куртка-акетон и поножи, утыканые маленькими стальными заклепками. Кольчужное оплечье черного металла прикрывало шею.

Беллу поразили глаза незнакомца. Под устрашающего вида шлемом, снабженным носовой пластиной, они казались неестественно живыми и столь яркими, что они, казалось, горели, пронзая темноту.

Ни разу в жизни не доводилось ей видеть таких глаз. По спине пополз холодок, разбегаюсь по коже точно ледяные колючие иглы.

«Кошачьи глаза, – подумала она. – Глаза хищника, под пристальным взглядом которых цепенеешь».

– Лахлан Макруайри, – сказал он, отвечая на незаданный вопрос. – Прошу прощения, графиня, что напугал вас, однако ничего не поделаешь: времени у нас мало.

Второй раз за вечер Белла лишилась дара речи. Лахлан Макруайри? Ее глаза стали похожи на блюдца. Так этого человека Роберт отправил к ней, чтобы благополучно переправить в Скун? Наемника? Да не просто наемника, а человека, чьи подвиги на Западных островах снискали ему самую зловещую во всей Шотландии славу? Грозы морей в царстве пиратов?

Тут наверняка какая-то ошибка. Лахлан Макруайри продал бы мать родную тому, кто больше даст (если нашлась бы женщина, которая добровольно признала бы себя его матерью). Незаконнорожденный, по крови он был наследником одного из крупнейших владений на Западных островах. Земли клана отошли к законной наследнице, его сводной сестре Кристине, однако номинально он все равно числился вождем клана. Вот только долг и ответственность были для этого разбойника пустым звуком; когда-то он бросил своих людей на произвол судьбы ради собственной выгоды.

Барвар с черным сердцем – если у него вообще было сердце. Ходили слухи, будто он убил собственную жену.

Белла не знала, что и думать. Столько было поставлено на кон! Как можно поверить, чтобы Роберт послал к ней этого... этого лесного разбойника!

Белла всматривалась в темноту, силясь рассмотреть то, чего не заметила сразу. Святые угодники, только полюбуйтесь на него! Он и выглядел как настоящий головорез. Она могла бы биться об заклад, что его подбородок не видел бритвы добрую неделю, а вдоль линии челюсти змеился шрам. Его пронзительный взгляд обладал такой силой, что мог бы резать камень. Изпод шлема торчали густые спутанные темные волосы, давно не стриженные и скорее всего не мытые, а лицо, насколько она могла видеть, было словно высечено из холодного сурового гранита. С некоторым удивлением она признала, что его взгляд исподлобья, квадратный подбородок, высокие скулы и крупный рот можно было бы счесть красивыми – нет, исключительно красивыми, – если бы не исходившее от всего его облика ощущение угрозы. Как жаль, что к такому лицу прилагалось черное сердце!

Их глаза встретились, и Белла поняла, что не только она здесь любопытный наблюдатель: он рассматривал ее с не меньшим интересом. Она физически ощущала, как, затаившись во мраке сумерек, он ощупывает ее своим взглядом.

Вдруг в его глазах зажегся огонек, отчего Белла вдруг смутилась, сама не зная почему. Ведь она привыкла к тому, что мужчины смотрят на нее горящими глазами.

Ей едва сравнялось тринадцать, когда это началось. Как раз в это время у нее налилась грудь и округлились бедра, а личико утратило детскую пухлость. С тех пор мужчины стали смотреть на нее по-новому, так, будто хотели от нее только одного.

Она научилась не обращать внимания на такие взгляды, но сейчас все было по-другому. Над ней словно нависла угроза – подобных ощущений она никогда не испытывала. Пульс участился, по коже разлился странный жар.

Она инстинктивно отшатнулась. Он заметил ее испуг, и взгляд его сделался жестче.

– Лахлан Макруайри, – повторил он, не скрывая раздражения. – Меня послал Брюс.

– Я знаю, кто вы, – буркнула Белла, не в силах скрыть отвращение.

Грубиян процедил сквозь плотно сжатые зубы:

– Понимаю, что вы не ожидали увидеть меня, но планы поменялись.

Белла едва не рассмеялась – это же бессмыслица какая-то! Сказать, что она не ожидала его увидеть – значит, не сказать ничего. О чем только думал Роберт, посылая к ней этого негодяя?

Она рисковала всем, чтобы отправиться в Скун и возложить на голову Роберта корону, – исполнить долг, которого не смог исполнить ее брат, фактически узник Эдуарда при английском дворе.

Когда примерно неделю назад ее мать, Джоан де Клер, впервые пришла к ней с этим предложением, Белла просто онемела: возложить корону на голову Роберта Брюса – мятежника, объявленного вне закона! Да это же вызов не только могущественнейшему в христианском мире королю Эдуарду Английскому, но также и ее супругу!

Джон Комин, граф Бьюкен, был отпрыском одного из могущественнейших семейств Шотландии, заклятых врагов и соперников Брюса. Соперничество это несколько недель назад принесло им смерть, когда Роберт заколол кузена ее мужа, лорда Баденоха, перед высоким алтарем монастыря Грейфрайерс в Дамфрисе.

Даже сейчас ее супруг пребывал в Англии, требуя у короля Эдуарда справедливого суда над убийцей двоюродного брата. Бьюкен презирал Брюса и скорее предпочел бы признать своим господином Эдуарда, нежели видеть на шотландском троне Роберта Брюса. Бьюкен не слышал доводов разума. Благо для родной Шотландии отступало перед силой его ненависти.

Если она это сделает, муж никогда ее не простит. С его точки зрения, это не долг, а предательство. Ее поступок станет концом их супружества – пусть даже несчастливого.

Однако семье Макдуфф принадлежало наследственное право короновать шотландских королев, и без их участия в церемонии люди стали бы сомневаться в ее законности. Многие знатные аристократы Шотландии стали бы оспаривать притязания Роберта на трон – в их числе и ее супруг. Брюсу, дабы его королевская власть стала в глазах остальных законной, понадобится доказать приверженность древним традициям и символам.

И даже в этом случае дело еще не выиграно! Роберт выбрал тропу – борьбы долгой и трудной. Его права были отнюдь не бесспорны. Белла не хотела себя обманывать: публично объявив себя сторонницей Брюса, она ставила под сомнение заодно и собственное будущее. Английский король, претендовавший на владение Шотландией, заклеит ее как мятежницу.

Если Брюс проиграет, если не сумеет заручиться поддержкой шотландских аристократов, то против Эдуарда ему не устоять, а бросить вызов Эдуарду Плантагенету – это подписать себе смертный приговор.

Белла всегда спрашивала совета у матери. Недавно Джоан де Клер вышла замуж за одного из соратников Брюса, но это явно не единственная причина, отчего она просила Беллу поддержать Роберта. Как и Белла, она хотела видеть Шотландию свободной от английской тирании; и они обе были уверены, что тот, кому под силу этого добиться, именно Роберт Брюс. Мать верила в правоту его дела почти так же истово, как сама Белла. Эдуард Плантагенет железной рукой сжал горло Шотландии, а Роберт Брюс был ее последним дыханием.

Ей пришлось пойти на риск, ведь этого момента – шанса совершить что-то по-настоящему важное – она ждала всю жизнь. Наконец-то она исполнит свой долг, докажет преданность стране, сможет защитить то, во что верит, за что стоит сражаться.

И это вовсе не тот долг, что так долго удерживал ее подле супруга. Бьюкен оказался недостойн ее преданности, и только ради дочери терпела она вспышки его злобной ревности, подозрения и всепоглощающую похоть. Она могла бы еще сомневаться – ради благополучия дочери, – не обмолвись он как-то раз, что подумывает о помолвке двенадцатилетней Джоан с одним из своих друзей, который вчетверо старше ее.

Белла скорее умерла бы, чем допустила такое, поэтому сразу дала согласие, как только мать сумела убедить ее, что Джоан лучше уехать с ней.

Увидев громилу, которого послал к ней Брюс, Белла встревожилась: во что же такое она ввязалась? Если Роберт полагается на таких головорезов, как Лахлан Макруайри, то мятеж обречен, не успев начаться.

Сколько, интересно, ему заплатили? Да и у кого хватит золота, чтобы купить преданность таких, как Макруайри?

А Макруайри тем временем, сложив руки на груди, скрежетал зубами от нетерпения. Ее опять поразили его габариты. Ну и ручищи! Такие мускулы можно нарастить, только если махать мечом на полях бесчисленных сражений.

– Что-то не так?

– Я ждала...

Она уставилась в темноту, словно надеялась увидеть отряд рыцарей в сверкающей броне. Его глаза превратились в щелки, как будто он сумел прочесть ее мысли.

– Где же остальные? – спросила, запинаясь, Белла.

Похоже, ее вопрос его развеселил, если кривое подергивание губ можно принять за улыбку.

– Дожидаются внизу.

– Как вы вошли сюда? И что стало со стражей?

Он усмехнулся и, проигнорировав вопрос, окинул ее пристальным взглядом.

– Надеюсь, Бьюкен ни о чем не подозревает?

Белла чуть не рассмеялась. Ее супруг всю жизнь только тем и занимался, что подозревал всех вокруг. Впрочем, теперь ей нет до него дела. Но она поняла, что Лахлан имел в виду ее намерение поддержать Брюса.

– Меня стерегут вовсе не из-за этого.

Он вопросительно взглянул на нее, однако не спросил, что она имеет в виду. Впрочем, она бы все равно не сказала.

Разбойник истощил запас любезностей – если это были любезности, – и теперь ему явно не терпелось покончить с делом, ради которого явился. Он подошел к окну, стараясь держаться вне поля зрения кого-то находившегося во дворе.

– Идемте. – Он взял ее за локоть, и в ответ на его прикосновение каждый нерв ее тела вспыхнул искрами. – Нам нужно спешить. Времени нет. Возьмите накидку и что там еще вам понадобится, только поживее.

О чем это он? Отъезд предполагался не раньше завтрашнего дня, так что ничего не готово. Она как раз собиралась этим заняться – даже с ужина ушла пораньше.

Белла вырвала у него свою руку.

– Никуда я не пойду, пока не объясните, в чем дело.

Ей казалось, более угрожающей физиономии ей видеть не приходилось, но когда незнакомец нагнулся к ней, его жуткий, пронизывающий взгляд буквально пригвоздил ее к месту. Даже в темноте его глаза сверкали зеленым огнем, как два изумруда на солнце.

– Хотите знать, в чем дело? – Схватив за плечи, он толкнул Беллу к окну. – А вон в тех знаменах вдали, за лесом. Минут через десять ваш муженек со своими людьми будет у ворот замка, и на вашем месте я бы предпочел оказаться как можно дальше отсюда, когда он сюда явится.

Она ахнула, и кровь отлила от ее лица. Поймав его враждебный безжалостный взгляд, она прочла ответ на свой вопрос: каким-то образом Бьюкен узнал про ее план.

И если он найдет ее – точно убьет.

Лахлан заметил, как она побледнела, и пожалел бы, что был груб с ней, если бы не манеры этой заносчивой графини. Как она на него смотрела: того и гляди испепелит взглядом. Было видно, что ей были противны его прикосновения.

Это почему-то злило его, хотя видит Бог, ему это не впервой, и вполне заслуженно: бастард, безжалостный убийца, беспринципный пират. Были и другие, не менее «лестные» титулы, которыми его награждали. Даже в недавно созванной Шотландской гвардии к нему относились с подозрением.

Впрочем, ему было плевать, кто и что о нем думал, но презрение, которое он видел в этих огромных синих глазах, его просто взбесило, как и многое другое в Белле Макдуфф, по правде говоря.

Помоги ему Господь, но его до сих пор трясло от вождения. Ничего подобного с ним не случалось с тех пор, как...

Он стиснул зубы. Только не с тех пор, как впервые увидел Джулиану. Если что-то и могло наверняка заморозить его пыл, так это мысль об этой лживой суке, его жене. Но Джулиана вот уже восемь благословенных лет не его печаль. Она там, где ей самое место: в аду, дает жару самому дьяволу.

Внешне Белла Макдуфф ничем не напоминала его покойную жену. Джулиана была высокой и тоненькой, точно тростинка, с нежным личиком и черными как смоль, как ее сердце волосами. Графиня же обладала белой кожей, волосами цвета льна и яркими чертами лица. При среднем росте она имела роскошные формы: полную высокую грудь и крутые бедра.

Обе женщины были привлекательны – даже скорее красивы, – но не это сблизало их, а та самая не поддающаяся определению особенность, чертовщинка, как говорят французы, от которой вскипает кровь: манера бросать взгляд, как бы вскользь, изгиб губ, неприкрытая чувственность, которая буквально хватала мужчину за причинное место и не отпускала.

Они обе были из таких, кого побыстрее хочется затащить в постель.

Если бы с Джулианой он ограничился именно этим, избавил бы себя от многих бед, но похоть так затуманила взор, что правду о своей жене он узнал лишь тогда, когда стало слишком поздно. Вождение сыграло с ним злую шутку, выставив полным идиотом. Больше он ничего подобного не допустит.

– Осторожнее с графиней, – предупредил его Брюс, загадочно улыбаясь. – Она может... отвлечь.

Теперь, по крайней мере, он понял суть предостережения Брюса. Но королю не о чем беспокоиться: похоть – последнее, чему Лахлан был готов дать волю во время выполнения важного поручения. У него и так забот полон рот. Примерно час назад их прекрасный, выверенный план встретил осложнение, когда Маккей перехватил двух гвардейцев Бьюкена: их отрядили скакать в замок, чтобы предупредить о приезде графа.

Само по себе прибытие Бьюкена не было такой уж большой бедой. Они все равно могли действовать как было условлено: похитить графиню с дочерью по дороге с воскресной службы – только ради церкви ей и дозволялось покидать замок, – но Лахлан лучше, чем кто бы то ни было, знал, что важные поручения редко идут по плану. Из допроса пленников Маккею стало известно, что кто-то нашептал графу и о коронации, и о роли во всем этом его собственной жены.

Это меняло все. Как только граф вернется, замок будет наглухо закрыт, как женский монастырь, и графиня вряд ли покинет его пределы в ближайшие месяцы, хотя бы даже и ради церковной службы. Маккей рассчитал, что у них примерно час времени.

Лахлану понадобилась четверть этого часа, чтобы пробиться сквозь замковые ворота, и почти вдвое больше, чтобы разыскать графиню, что оставляло ему всего минут пять до того, как Гордон начнет заварушку. Так что, видит Бог, у него не было времени убеждать свою надменную подельницу поневоле в том, что он вполне подходящая для нее компания.

Похоже, однако, что суровость его слов произвела в ней чудесную перемену. Страх – отличный побудительный мотив. Она бросилась к гардеробу, выхватила темную накидку и

поспешно накинула на плечи, а потом сняла с полки маленькую деревянную шкатулку, покрытую искусной резьбой.

Догадка Лахлана, что в шкатулке лежат драгоценности, подтвердилась, едва она откинула крышку. Кровь Христова! Да эти сокровища достойны султана!

Он ожидал, что графиня переложит содержимое шкатулки в вышитую сумочку, висевшую у нее на поясе, но лишь что-то разыскав, она опустила крышку и вернула ее на полку.

– Я готова.

Лахлан взглянул на шкатулку.

– А ее вы что, не берете с собой?

Она прищурилась, явно ожидая, что он решил прихватить шкатулку. Да он и правда едва противился соблазну! Такие драгоценности решили бы все его проблемы с долгами.

– Все это принадлежит моему мужу, а для меня имеет значение всего один предмет.

Так мог бы говорить тот, кто прожил в богатстве всю жизнь. Легко лицемерить, если носишь роскошную одежду, вкушаешь тонкие яства и не думаешь о завтрашнем дне. Он окинул взглядом массивный золотой ободок, стягивавший блестящие длинные волосы, затем богато вышитое золотом платье, подбитую мехом накидку, тяжелое ожерелье из сапфиров и жемчуга, кольца, украшавшие тонкие пальцы, и, наконец, изящные шелковые туфельки.

Ее щеки порозовели, и Лахлан понял, что она догадалась, какие мысли пришли ему в голову. Графиня вскинула подбородок.

– Если у вас больше нет вопросов, мы можем идти за моей дочерью.

Ах да, он забыл про девочку, хотя не понимал, зачем тащить ребенка через половину Шотландии, где идет война. Впрочем, это не его дело.

Три года Лахлан выполнял поручения Брюса: самые разные, как приятные, так и неприятные, – и, как он подозревал, именно последние обеспечили ему авторитет среди воинов секретной гвардии Брюса. Мог он похвастать и другими качествами: беспощадностью в бою, искусным владением мечом, – делал все, что требовалось, и война щедро его вознаграждала, как и других мужчин, лишенных особой щепетильности.

Война как помойная яма: замараны все без исключения, – а разница между людьми заключалась лишь в том, что одни притворяются, оправдывая себя благородными лозунгами или любовью к родине, а другие – нет.

Лахлан был честен перед собой, политику ни во что не ставил, воину-наемнику незачем и некогда рассуждать об идеалах – так проще. На стороне Брюса он согласился воевать по одной простой причине: долги. Договор с Брюсом решал все его проблемы.

Лахлан устал делать грязную работу за других. Если дело выгорит, он больше не станет воевать: заберет обещанную награду, выплатит долги, и у него останется достаточно денег, чтобы отправиться куда-нибудь подальше – например, на остров на западе, – чтобы никому не подчиняться и жить так, как хочется.

Но для того, чтобы это благословенное время наступило, Брюс должен стать королем, и если Изабелла Макдуфф может тому способствовать, Лахлан притащит ее куда угодно вместе с дочерью.

– Где она?

Графиня прикусила губу, и этот совершенно невинный жест показался ему таким эротичным, что он почувствовал тяжесть в паху и быстро отвел взгляд, раздосадованный этим редким для себя приступом слабости.

– Я оставила ее в большом зале. – Ее голос буквально звенел от волнения. – Я думала, у нас еще есть время – до завтра, вот и не торопила ее за ужином. Мы не можем уехать без нее! – воскликнула Белла, схватив его за руку.

Лахлан вздрогнул всем телом, каждый мускул живо откликнулся на ее прикосновение. Его как будто пронзила молния. Впервые графиня сама прикоснулась к нему, но, похоже, сама

не сознавала, что делает. Ею владел только страх за дочь. Ее прекрасное лицо было исполнено отчаяния и надежды найти отклик в его душе. Огромные синие глаза, темные брови вразлет, угольно-черные ресницы, прямой нос, безупречная кремовая кожа, чувственный изгиб губ, которым позавидовала бы куртизанка... Кто бы устоял перед такой красоткой?

Лахлан стиснул зубы. Не привыкший говорить обиняками, он должен был прямо ей сказать, что отвлекающий маневр задуман как раз по пути отсюда в большой зал и вот-вот начнется стычка, что у них один шанс из двадцати успеть добраться до девочки до того, как развернется ад, но отчаяние в ее голосе заставило его промолчать.

Если Изабелла Макдуфф и собиралась предать супруга и способствовать коронации его врага, то к дочери это никак не относилось: ее графиня, вне всякого сомнения, любила. Поскольку Лахлан был не из тех, кто теряет голову от хорошенького личика и пары восхитительных грудок, да и мольбы на него не действовали, он знал, что есть и другой резон придержать язык: его миссия. Инстинкт подсказывал: открой он ей правду, и она начнет брыкаться, – а это недопустимо. Промедление смерти подобно: у них и так фора – меньше некуда.

– Ее приведет кто-нибудь из моих людей, – сказал Лахлан, припомнив, как страстно графине хотелось разглядеть в темноте кого-нибудь – все равно кого – другого, кто мог бы стать ее провожатым.

Интересно, подумалось ему, что она скажет, когда узнает, что их тут всего трое.

Он даже поверил было собственным словам: на мгновение, – но едва они успели покинуть башню, как в ночном воздухе гулко ухнул громовой раскат.

Время истекло.

Белла проклинала себя за то, что оставила Джоан в большом зале и вернулась в свои покои собраться к завтрашнему отъезду. Хоть она и твердила себе, что не могла заранее знать, как изменится ситуация, но это было слабым утешением против тревоги и страха, сжимавших материнское сердце.

Она изо всех сил старалась, чтобы любопытная девочка ничего не заподозрила: так было безопаснее и для Джоан, и для нее самой. Нечаянная оговорка дочери могла привести к трагедии.

Но несмотря на ее старания, муж все-таки узнал. Как это произошло? Да какая теперь разница? В своей ярости Бьюкен не ведал границ. Наконец-то, после стольких лет безосновательных обвинений и подозрений Белла действительно предала мужа, его гнев был оправдан.

Содрогнувшись от леденящего холода, внезапно ее охватившего, она поспешила за презренным наемником Брюса по освещенному факелами коридору на лестницу главной башни, а затем и во двор замка. Белла не спросила, куда исчезла охрана, которую муж к ней приставил, не хотела знать, но была благодарна ему за то, что им удалось выйти из башни без происшествий.

Едва успели они ступить на вымощенный булыжником двор, как грянул гром, от которого заложило уши и содрогнулась земля под ногами. Через минуту раздался второй громовой раскат, и стремительно темневшее небо озарили языки адского пламени.

Началось светопреставление. Из зданий, подпиравших стены замка, во двор высыпали люди. Отовсюду слышались вопли женщин, крики мужчин, громовые раскаты...

– Берегитесь! – крикнул Макруайри, увлекая ее в сторону, потому что на них неслись охваченные безумным страхом лошади.

...Копыта! Ее сердце сжалось – они едва не погибли!

Конюшни, догадалась Белла. Они подпалили конюшни, и деревянные строения, набитые соломой, вспыхнули, точно вязанка хвороста.

Казалось, пламя пожирает ночь. В воздухе висел дым.

Джоан! Господь всемогущий, ее дочь!

Она рванулась было в сторону большого зала, но Лахлан, который ожидал чего-то в этом роде, удержал ее на месте.

– О девочке позаботятся, а нам нужно уходить. Стража скоро опомнится.

Холодный приступ паники сжал ее сердце в своем ледяном кулаке. Белла попыталась вырваться, но рука Лахлана держала так крепко, что она не сумела даже пошевелиться.

– Я не уйду без дочери.

Он резко повернул ее лицом к себе. Сжатые в нитку губы побелели. И Белла ахнула, потому что только сейчас поняла, какой это опасный человек – именно такой, как о нем говорили: грозный и способный на все.

Ей следовало ужаснуться, но отчего-то по коже разлился странный покалывающий жар. Посреди суеты и полной неразберихи на нее неожиданно-негаданно снизошло некое озарение. Она почти перестала дышать, ощущала лишь запах его кожаного акетона, его дыхание, но главное – жар и мощь тела воина, которое прижималось к ней и было твердым, как скала.

Тревога пронзила все ее существо, щеки вспыхнули. Да что с ней происходит? Долгие годы ее чувства были мертвы, а вот теперь надумали восстать к жизни? Из-за кого? Стыд и позор!

К суровой действительности ее вернул его хриплый недовольный голос:

– Послушайте, графиня, если желаете выбраться отсюда прежде, чем явится ваш муженек, нам лучше поторопиться. Ваша дочь вне опасности: горит далеко от большого зала. Когда мы вышли из башни, я дал знак своим людям, так что девочку уже ведут сюда.

– Но...

Он не стал слушать.

– Решайте скорее: если вы уходите отсюда, то прямо сейчас. Времени больше нет. Так да или нет?

Белла беспомощно оглянулась назад в надежде увидеть дочь. Всем существом она рвалась туда, где царил хаос, чтобы разыскать Джоан, но теперь, когда паника немного улеглась, увидела, что Лахлан прав: пожар был совсем не такой страшный, как ей показалось, и горело довольно далеко от большого зала.

Она обернулась к Лахлану.

– Вы уверены, что ваши люди приведут ее?

Его лицо ничего не выражало, он спокойно встретил ее взгляд.

– Да.

«Разве у меня есть причины ему доверять?» – думала Белла, глядя на него. Скорее наоборот, судя по тому, что она слышала об этом человеке. Но выбора не было. Она все решила еще тогда, когда согласилась короновать Роберта.

Белла кивнула. Даст Бог, это решение не станет самой страшной ошибкой в ее жизни.

Лахлан вывел Беллу за ворота замка, и они смешались с потоком напуганных беженцев. Стражники если и взглянули на них, то лишь мельком: полно было более важных дел – потушить пожар и изловить породистых хозяйских лошадей, пока они не разбежались по окрестным полям.

Лахлан тянул ее к лесу, а она все время оглядывалась в надежде увидеть, не мелькнет ли в толпе Джоан. В тот день на девочке было платье цвета граната, затканное золотой нитью и жемчугом.

– Где же она? – не выдержала Белла. – Я ее не вижу.

Он не ответил, увлекая ее все дальше в лес. Еще немного, и замок совсем скроется из виду.

– Стойте! – вскрикнула Белла, отпрянув назад и упершись в землю каблучками туфель. – Где ваши люди? Где моя...

Пронзительный свист за спиной заставил ее замолчать. Лахлан свистнул в ответ, и через минуту из-за деревьев показались два всадника, которые вели в поводу двух лошадей. Одну из них она узнала – лошадь из конюшни ее мужа.

– Она с тобой? – спросил один из всадников.

Как и Лахлан, эти двое тоже не носили рыцарских доспехов – только потемневшие шлемы с носовой пластиной, черные кожаные акетоны, утыканные стальными пластинами, и пледы неизвестной ей расцветки.

– Да.

– Все нормально прошло?

– Да, не было ничего такого, с чем бы я не справился.

Лахлан взял поводья лошади, и Белла оглянулась – не подъезжают ли к ним остальные.

– Где же весь ваш отряд?

Один из всадников – тот, кто заговорил первым, – усмехнулся:

– Мы и есть весь отряд, миледи.

Она гневно возрилась на Лахлана.

– Тогда кто же приведет мою дочь?

Ни один мускул не дрогнул в его лице. Ничто не выдавало ни малейшего смущения. Перед ней стоял обыкновенный бесчувственный мужлан, и не больше.

– Не было ни возможности, ни времени. – Лахлан безразлично пожал плечами. – Вот смотрите: они уже потушили пожар, стражники опять у ворот.

Белла не хотела смотреть. По мере того как до сознания доходил смысл его слов и поступка, ее охватывал ужас. Она вперила в него гневный взгляд.

– Вы мне солгали!

Ее гнев не произвел на него никакого впечатления: ни извинений, ни сожаления.

– Я сделал все, чтобы мы оттуда выбрались. А девчонке лучше оставаться в замке. Там, куда мы направляемся, детям не место.

– Это не вам решать! – вне себя от ярости, воскликнула Белла.

– Ошибаетесь – как раз мне. Моим долгом было привезти вас в Скун.

– Не только меня, но и мою дочь!

Его лицо оставалось бесстрастным – разве что губы чуть сжались, – зато ее сердце, казалось, разрывалось на тысячу крошечных частиц.

Оглянувшись на замок, она увидела толпившихся в воротах стражников. Каждой косточкой, каждой жилкой своего существа стремилась она назад, пусть это глупо и безрассудно. В целом мире не было для нее живого существа важнее Джоан. Как же она может бросить дочь? Это невыносимо! Как без нее жить?

Белла перевела взгляд на всадников, ожидая помощи, но увидела лишь сочувствие в их глазах.

Лахлану надоело ждать.

– Ну как, графиня? Вы готовы отправиться с нами в Скун и выполнить то, что обещали Брюсу, или предпочтете остаться здесь, с дочерью и супругом?

Очевидно, ему было совершенно безразлично, какое решение она примет.

Никого и никогда Белла так не презирала, как сейчас этого негодяя. Она уловила издевку в его голосе. Он знал, что она в ловушке! Она не сможет вернуться, даже если забудет свой долг, отвернется от Брюса и Шотландии. Если муж схватит ее, то в живых не оставит.

Буря чувств выжигала ей горло, глаза, грудь. Какой же дурой нужно было быть, чтобы поверить словам этого лжеца! Ей хотелось осыпать его бранью, ударить, наброситься на него и растерзать, а еще – упасть на землю и рыдать от отчаяния.

Однако Белла многому научилась за те годы, когда вынуждена была скрывать чувства, и в первую очередь никогда не выказывать слабость и не давать повода причинить ей боль.

Усилием воли подавив гнев, Белла дала себе клятву, что в один прекрасный день сотрет эту самодовольную усмешку с красивого и жестокого лица Лахлана Макруайри – лица, на котором ясно читалось: «Мне плевать на все!»

Не сказав больше ни слова, Белла приняла протянутые поводья и позволила Макруайри помочь ей сесть на коня. Они пустились в путь, и Белла, чтобы никто не догадался, какие горькие чувства разрывали ее изнутри, держала спину так гордо и прямо, будто внутри у нее стальная пластина.

Ждать недолго, сказала она себе. Как только станет королем, Роберт сумеет завоевать сердца шотландцев, как уже завоевал ее сердце.

Но ей не видать покоя, пока дочь не окажется в ее заботливых руках.

Глава 2

Лахлан сидел на плоском камне рядом с Маккеем и Гордоном и с аппетитом уплетал вяленую говядину с овсяной лепешкой. Женщина, сидевшая в глубине пещеры, метала гневные взгляды, которые вонзались ему в спину, как кинжалы, но вкуса еды, слава богу, не портили.

Ему было плевать, что она там думает. Он сделал все возможное, чтобы вытащить ее из чертова замка, и не важно, что пришлось прибегнуть к обману. Ложь, воровство, предательство – все это обычное дело на войне. И графине давно пора смириться с этим фактом, учитывая, какие маховики она собирается привести в движение.

Разве она вправе судить? Помилосердствуйте! Эта женщина только что сбежала от мужа, чтобы возложить корону на голову его злейшего врага.

Бьюкен, конечно, редкостная скотина, в противном случае Лахлан мог бы даже посочувствовать бедняге. Ему, как никому другому, было хорошо известно, что нельзя рассчитывать ни на чью преданность, и меньше всего собственной жены. Если Лахлану и требовалось подтверждение его твердой уверенности больше никогда не жениться, то вот вам еще один вопиющий пример.

Пусть катится к черту. Он сделал то, что должен был сделать, для спасения миссии. Нечего было и думать, чтобы вовремя добраться до ее дочери. Они унесли ноги едва ли не за минуту до того, как услышали грохот копыт приближающейся армии. Он ни в чем не виноват: просто выполнил задание, а уж как – не имеет значения. Никаких угрызений совести он не испытывал, а если понадобится, опять поступит так же, черт возьми, только не станет смотреть ей в лицо. Она надела маску гордости, но глаза-то не скроешь. Как она смотрела на него! Они неслись во весь опор, оставив ее дочь в замке...

Слишком хорошо Лахлан понимал значение этого взгляда, потому что много раз видел, как пытаются и мучают людей. Это была агония – чистая, неприкрытая, бесконечная агония.

Лахлан отхватил основательный кусок говядины, пытаясь заглушить стеснение в груди, хотя вряд ли это было чувство голода, болезненно поморщился и потянулся к бурдюку в надежде запить отвратительный привкус во рту. Гордон, наблюдавший за ним, спросил:

- Что-то не так?
- Чертово мясо, похоже, протухло.
- А по-моему, оно превосходно.

Пожав плечами, Лахлан сделал второй глоток: виски, жидкий огонь, выжигал любые вкусовые ощущения. Маккей тоже уставился на него, но предпочел промолчать. Да это было и ни к чему: неодобрение было написано на лбу неистового горца.

Магнус Маккей был родом с севера Шотландии. Высокий богатырь силой едва ли уступал легендарному Робби Бойду и славился умением выживать в любых, даже самых жестоких условиях. Единственное, с чем у него были нелады, это верховая езда. Не самый искусный из наездников даже в спокойной обстановке, в критический момент он, похоже, держался на спине лошади только силой воли. После мучительной скачки всю ночь, причем половину под проливным дождем, отдых потребовался не только графине.

Маккей не любил Лахлана, но это, в общем, дело обычное. Они могли отлично ладить, лишь бы один не вздумал встать на пути у другого. Меньше всего искал он товарищества и дружбы, когда согласился вступить в ряды воинов-призраков, тайного отряда Роберта Брюса.

Нельзя не признать, что замысел был интригующий: собрать вместе самых лучших в каждом из воинских искусств. Лахлан уже видел, на что способны гвардейцы, но в одиночку им войны не выиграть. Он здорово сомневался, что вояки вроде Роберта Брюса, помешанные на рыцарском кодексе, смогут принять коварные приемы горцев.

Без сомнения, это лучшие воины, с которыми Лахлану приходилось сражаться бок о бок, но это не значило, что они могут на него рассчитывать, да и сам он не думал полагаться на них. Неверная жена преподала Лахлану жестокий урок по части доверия; в результате соратники его мертвы, сам он несправедливо обвинен, а имущества его конфискованы. И Лахлан вернулся к тому, от чего ушел: жестокий убийца, война для которого – смысл жизни.

– Есть что сказать, Святой? – поддразнил он, назвав Маккея прозвищем, которое Максорли придумал для этого здоровяка, но не потому, что тот отличался набожностью.

В отличие от других солдат, Магнус никогда не говорил о женщинах. На войне, в походах, вдали от дома, сидя у костра, воины, как правило, только об этом и болтали. Лахлан намеревался выяснить, почему эта тема не привлекала горца.

– Графиня права, – сказал Маккей, откладывая в сторону странного вида оружие, над которым трудился, пытаясь что-то усовершенствовать, то есть сделать более смертоносным. – Мы ведь должны были забрать и ее, и девочку.

– Он же объяснил, как это вышло, – вмешался Гордон прежде, чем Лахлан успел посоветовать ему заткнуться. – На это не было времени.

Уильям Гордон принадлежал к числу тех немногих, кому нравился Лахлан, и обладал уникальным даром вызывать гром и летучий огонь с помощью секретного состава на основе черного порошка, который его дед вывез из Святой земли.

– Может, и не было, но мы могли бы попытаться, если бы он нам сказал, – возразил упрямый горец.

– Каким образом? – парировал Лахлан. – Что бы вы ни сделали, это ничего бы не изменило. Моей задачей было провести вас в замок и найти женщину, а вы с Гордоном обеспечивали прикрытие, чтобы никто не торчал у меня за спиной.

Маккей кивнул, глядя на него в упор:

– Да, я бы тоже на твоём месте поостерегся поворачиваться кое к кому спиной.

Ну хоть здесь они пришли к согласию.

Гордон сбросил плед, которым укутывал плечи, чтобы стать незаметным в темноте, и, скатав наподобие валика, выжал дождевую воду на грязный пол пещеры.

– Ты был прав и в другом: ребенку здесь не место, – тихо сказал он Лахлану и поежился. – Проклятье! Жаль, что нельзя развести костер.

Они не могли рисковать. Лахлан, конечно, надеялся, что им удалось оторваться от Бьюкена на приличное расстояние, но как скоро граф обнаружит, что его жена сбежала?

Осознав, что никто больше не прожигает две дырки в его спине, Лахлан украдкой бросил взгляд в угол пещеры и увидел, что графиня последовала его совету отдохнуть, пока можно. Они здесь не задержатся.

Гордон проследил за его взглядом и сказал с явным восхищением:

– Она очень храбрая. Хотел бы я знать, зачем ей все это. Поразительная женщина.

Тем же вопросом задавался и Лахлан, поэтому фыркнул:

– Думаю, ее муж другого мнения.

– Бьюкен – поддонок, почти такой же, как этот презренный тиран Эдуард. По возрасту он в отцы ей годится...

Гордон умолк, а Лахлана вдруг охватило странное раздражение. Он отлично понимал, куда устремились его мысли: туда же, что и его собственные, каждый раз, когда смотрел на нее. Вот оттого-то он старательно отводил взгляд в сторону. Есть в ней что-то такое, чего не выразить словами.

Гордон пожал плечами и добавил:

– Такая красавица только зря пропадает с этим стариком.

Лахлан повел бровью.

– Значит, молодость и красота оправдывают предательство? Надеюсь, ты столь же снисходителен по отношению к собственной жене. – Обращаясь к Гордону, он тем не менее внимательно наблюдал за Маккеем и заметил, как замер горец. – Еще не поздно взять назад брачные обеты, знаешь ли. А то не успеешь жениться, как...

– День еще не назначен, – перебил его Гордон. – Наша помолвка состоялась как раз перед тем, как я уехал на Скай.

Маккей не двинулся с места, хотя обычно он немедленно вставал и уходил, стоило кому-нибудь заговорить на подобные темы. Похоже, Лахлан ошибся в своих предположениях.

– Значит, у тебя еще есть время одуматься, – продолжил Лахлан. – Помяни мое слово: брак – все равно что «черная смерть» для души. Жены делают нас слабыми и уязвимыми.

Но вывести Гордона из себя ему не удалось: тот лишь улыбнулся.

– Одна гнилая виноградина не испортит вкуса вина в бочонке. Не все женщины такие, как твоя жена.

– И слава богу, – с содроганием произнес Лахлан.

Надо признать, Гордон прав: у каждого бывает черная полоса. Он не терзался из-за предательства Джулианы, но заплатил слишком дорого, чтобы быстро забыть. И уж точно он не прыгнет в эту сточную канаву еще раз.

Улыбнувшись, Гордон покачал головой.

– Кроме того, мне уже не отвертеться, даже если бы захотел. Контракт при помолвке связывает не хуже брачного. Теперь это дело чести.

– Честь не имеет никакого отношения к браку! – усмехнулся Лахман и опять взглянул на Маккея. – Какая она, твоя нареченная? Безобразная и толстая, как свинья или красавица вроде нашей графинюшки?

Гордон пожал плечами.

– Я не знаю.

Вот это поворот!

– Ты никогда ее не видел?

Гордон покачал головой:

– Нет, брак устроили наши отцы, – и добавил, будто это что-то объясняло: – Я воспитывался вместе с ее братом.

Насколько знал Лахлан, и старший Гордон, и Сазерленд были противниками Брюса.

– Ты ведь дружен с Сазерлендами, да, Святой? – саркастически спросил он у Маккея, заметив, что тот начал подниматься. – Ведь нареченная Гордона, Хелен Морийская, – дочь графа Сазерленда, и не было междоусобиц дольше и яростнее, чем между семьями Маккей и Сазерленд. Ты же видел ее?

Ладонь Маккея сжала рукоять ножа, которым он резал мясо и все еще держал в руке. Интересно!

– Да, – ответил он с воодушевлением пациента дантиста.

– Ты никогда ничего не говорил, – удивился Гордон.

Маккей равнодушно пожал плечами, хотя, как подозревал Лахлан, разговор задел его за живое.

– Мне казалось, это неважно.

Итак, Лахлан нащупал уязвимое место и намеревался вонзить туда отравленное копьё.

– Так что же ты думаешь, Святой? Не придется ли Гордону выдуть бочонок виски, чтобы набраться храбрости перед тем, как вставить своей невесте? Или он будет счастлив вонзить своего дружка промеж ее мягких бархатных ляжек?

Похоже, это перебор, забеспокоился Лахлан: Маккей аж побледнел от гнева. Однако ничего не произошло: может, привиделось?

Нет, не привиделось.

– Ты, Макруайри, злобный ублюдок. Не знаю, какого дьявола Брюс решил, что ты нужен в отряде. Ядовитая гадюка ты, а не человек.

Лахлан улыбнулся.

– Именно этим я и ценен: более совершенного оружия просто не существует.

Он хотел было еще что-то добавить, однако встревоженное лицо Гордона заставило его прикусить язык.

Проснувшись, Белла вздрогнула и огляделась, а увидев незнакомые каменные стены, даже не сразу поняла, где находится. А когда память пробудилась, отчаяние и сердечная боль прошлой ночи обрушились на нее сокрушительной тяжестью. «Господи, молю тебя: защити мою дочь, спаси и сохрани!»

Бьюкен не сделает ей ничего дурного, по крайней мере в физическом смысле. Джоан – единственное, что связывало ее с мужем. Его злобные тирады, ревность и беспочвенные подозрения никогда не касались их дочери.

Бьюкен любил эту тихую девочку с большими задумчивыми глазами, если вообще был способен на это чувство. Джоан пошла в отца своими темными волосами, голубыми глазами и классическими чертами лица. И слава богу, а то среди множества ужасных обвинений, что за годы брака супруг предъявил Белле, было бы еще рождение внебрачного ребенка.

Когда родилась Джоан, Белле исполнилось всего шестнадцать – сама еще ребенок! Она помнила, как сидела на огромной деревянной кровати с младенцем на руках и ждала, когда придет муж посмотреть на это крошечное сокровище.

В эту минуту она могла бы простить ему все, даже жестокость и грубость в их первую брачную ночь, когда он забрал ее невинность. В пятнадцать лет Белла была слишком юна для постельных утех, но граф вел себя как животное в брачный период: сгорая от нетерпения, сорвал с нее одежду, опрокинул на кровать, силой раздвинул ноги и вонзился в нее, нисколько не заботясь ни о ее возрасте, ни о невинности.

Подумать только: до свадьбы она считала его очень привлекательным: темные волосы, голубые глаза. Да, он был намного старше, но это ничуть не умаляло его мужской силы. Он был посвящен в рыцари самим королем Александром в возрасте двадцати одного года. Он не выделялся ростом, но был силен, с плотным мускулистым телом воина.

Но очень скоро она возненавидела его физическую силу, которая поначалу казалась столь привлекательной, и его полную власть над ней.

С рождением дочери многое изменилось, и Белла могла бы забыть о разочаровании первого года брака, прояви муж к ней хоть чуточку доброты. Хватило бы одного ласкового слова, одной ободряющей фразы. Ей бы увидеть хоть немного любви в его взгляде вместо привычных вожделения и властности.

Но Бьюкен лишь мельком взглянул на нее и брезгливо проговорил:

– Наверное, надо почаще делать тебе детей: разжирела, как старая корова, – такой тебя точно никто не захочет.

Его слова убили всякую надежду на счастье, иллюзий не осталось: она для него лишь шлюха, а он ее ревнивый повелитель.

Она платила ему единственной монетой, что была в ее распоряжении: уступала его притязаниям со стоическим безразличием, только выполняя долг. Чем больше старался он ее унижить – пытался спровоцировать на резкость, чтобы подвергнуть избиению, – тем холоднее она становилась, а потом ее чувства и вовсе умерли.

Страшнее всего были его подозрения и ревность. Кто же виноват, что мужчины смотрят на нее! Одевалась Белла более чем скромно, тщательно зачесывала и приглаживала волосы, как монашка, но муж продолжал обвинять ее. Якобы она строит мужчинам глазки и призывно улыбается.

Она перестала появляться при дворе короля, пряталась в задних комнатах, когда приезжали гости, но он считал, что это всего лишь хитрые уловки, и обвинял ее в том, что она сбегает из дому для встречи с любовниками. Поскольку оскорблениям и обвинениям не было конца, она перестала оправдываться и взывать к его разуму и мало-помалу стала одеваться так, как ей хотелось, причесываться так, как нравилось, и общаться с окружающими, в том числе и с мужчинами, как нормальный человек, а обвинения пропускала мимо ушей. Научившись жить в тюрьме, выстроенной из подозрений, Белла мечтала когда-нибудь освободиться от мужа, но даже представить себе не могла, что это произойдет подобным образом.

Единственное утешение Белла находила в мысли, что супруг, какую бы ненависть ни питал к ней, не станет вымещать ее на Джоан. Только вот что подумает ее дочь, когда узнает, что мать сбежала, не сказав ни словечка на прощание? Бьюкен умел быть жестоким, расчетливым и очень мстительным. Что, если он попытается настроить девочку против матери? Как жаль, что она не посвятила Джоан в свои планы! Тогда бы дочь знала, что мама вовсе не сбежала от нее.

Белла села, пытаясь сбросить усталость. За короткий сон ей вряд ли удалось набраться сил, да и как расслабиться, если знаешь, что муж рыщет по окрестностям, надеясь ее отыскать? С тех пор как они покинули Балвени, постоянным спутником Беллы стал панический страх, от которого все внутренности буквально стягивало тугим узлом.

Бьюкен наверняка обезумел от ярости, а то, что она сбежала из-за Роберта Брюса, лишь усугубляло его гнев. На этот раз его ничто не остановит – даже если пригрозить оскопить во время сна, если он еще хоть раз ее ударит.

Оглянувшись, Белла увидела Уильяма Гордона, который явно прятался за стеной у самого выхода из пещеры. Проследив за его взглядом, она замерла, поняв, что послужило тому причиной. Неподалеку на полянке между деревьями Лахлан Макруайри и Магнус Маккей, похоже, о чем-то спорили. То есть говорил Маккей, а на лице Макруайри блуждала ленивая ухмылка, будто ему все было безразлично.

Ее гнев ничуть не ослаб за время долгой мучительной скачки предыдущей ночью. Рассвет также не принес облегчения. Господи, когда же она от него избавится? Ей долго не выдержать. Мужчины сказали, что до Скуна два дня быстрой езды; они должны прибыть на место вечером накануне коронации.

Белла направилась к Гордону и, присев на камень, заметила:

– Похоже, вашему другу Макруайри не очень нравится.

Молодой воин ответил ей приветливой улыбкой. Он был по-мальчишески красив: с мягкими русыми волосами, веселыми голубыми глазами и ровными белыми зубами. В обычных обстоятельствах она даже сочла бы его физически внушительным, но по сравнению с Макруайри и Маккеем парень не производил впечатления верзилы. Он казался приветливым и добродушным: такие готовы любить всех вокруг, – и это впечатление подтвердилось, стоило ему заговорить:

– Макруайри? Ну, он не такой злодей, каким кажется.

Белла едва сдержалась, чтобы не фыркнуть совсем не по-дамски. По ней, так он отъявленный негодяй.

– Боюсь, у него не было возможности произвести хорошее первое впечатление. У него, так сказать, были связаны руки.

Белла пренебрежительно махнула рукой.

– Вам не нужно за него извиняться. Просто мне непонятно, зачем Роберт связался с человеком такого пошиба. Взять в союзники флибустьера и лицемера вроде Лахлана Макруайри значит оттолкнуть людей благородных. Интересно, сколько пришлось заплатить, чтобы купить его преданность – то есть преданность на некоторое время.

Белла вдруг осеклась. На коже выступил жаркий румянец, кровь ускорила свой бег по жилам. Инстинкт подсказывал ей, что он у нее за спиной.

– Не очень много, – бесстрастным голосом произнес Макруайри и повернулся к Гордону: – Готовь лошадей. Мы тронемся, как только вернется Маккей.

Молодой воин умчался выполнять поручение.

Она встала, разглядывая его лицо. Ничего, кроме искренности.

– Значит, вы не отрицаете?

Он выдержал ее взгляд. Без шлема, в холодном свете раннего утра он, надо признать, выглядел впечатляюще – если вам по душе смуглые пираты, от которых исходит ощущение опасности и мужской силы. Ей, похоже, это как раз нравилось – к собственному стыду. Темные волнистые волосы, поразительные зеленые глаза, чеканные, правильные черты – он был непозволительно хорош собой.

Даже смотреть на него было грешно. Как бы ни убеждала она себя в обратном, это было не отвлеченное наблюдение вроде тех, что случались за эти годы, когда ей дозволялось видеть привлекательных мужчин. Учащенный пульс, неровное дыхание, дрожь во всем теле – все признаки налицо!

Боже правый, что с ней не так?

Похоже, муж был прав. Прошла всего ночь, как Белла вырвалась из тюрьмы, а уже, точно юная девица, едва не потеряла дар речи, словно впервые в жизни повстречала красавца рыцаря. Вот только Лахлан Макруайри отнюдь не рыцарь, а она – взрослая женщина с богатым жизненным опытом.

Смущало то, что ее тело оказалось столь неразборчивым: действительно, внешне Лахлан Макруайри весьма привлекателен, зато как человек отвратителен.

– С чего бы? – Он равнодушно пожал плечами. – Деньги – хороший повод пойти на войну, куда лучше прочих.

Похоже, этот человек – циник до мозга костей.

– И то, что происходит вокруг, вас нисколько не трогает?

Он криво усмехнулся.

– О нет, не все: кое-что меня очень даже занимает.

Она презрительно вскинула подбородок:

– И это, конечно, не золото и не серебро?

– Я также не прочь получить землю.

Его ухмылка приводила ее в бешенство, хотя она не понимала почему. Да и как можно понять того, кто заботится исключительно о собственном кошельке...

– Неужели нет ничего такого, за что бы вы стали бороться? Могли пожертвовать собой? Как же вера и честь? Долг и ответственность? Благоденствие вашего клана и Шотландии?

Он рассмеялся так оскорбительно, что она почувствовала себя едва ли не воспитанницей монастыря.

– Господи, графиня, вы неподражаемы! Какая страсть, какая убежденность! Посмотрим, однако, что станется с вашими высокими идеалами через пару месяцев.

Белла стиснула кулаки, чтобы не поддаться соблазну дать пощечину этому мерзавцу и стереть снисходительную ухмылку с его наглого лица.

– Вы озабочены лишь собственным благополучием, не верите в дело Брюса и думаете, что он не победит?

– Если все пойдет как надо, у Брюса будет шанс, – без всякого выражения заметил Макруайри. – Но мы играем против очень сильного противника. Эдуард не будет особо церемониться с теми, кто выступил против него. – Его холодный взгляд скользнул по ее фигуре, и Беллу вдруг бросило в жар. – Даже с красавицей графиней.

Она вспыхнула.

– Я знаю, чем рискую.

Если она сама не будет сражаться за свои убеждения, то как можно требовать этого от других? Если все начнут рассуждать, как Макруайри, у них никогда не будет шанса избавить Шотландию от железной хватки Эдуарда. Есть кое-что поважнее собственной жизни. Вот тому пример. Она верила в Роберта Брюса. Верила, что Шотландия будет свободна от английского владычества и что Брюс как раз тот человек, кто сможет избавить ее от гнета.

Она поступила правильно.

– Вот как? – Он смерил ее долгим взглядом. – Посмотрим.

Лахлан обернулся на стук копыт: подъехал Маккей, – и по хмурому выражению его лица Белла поняла, что дело плохо.

– Беда, – буркнул горец.

Не столь сурового вида, как Макруайри, этот могучий воин тем не менее производил впечатление, хотя и не внушал страха. И это был один из немногих мужчин, кто смотрел на Беллу без воцеления в глазах. Лахлан выругался.

– Бьюкен?

Всадник угрюмо кивнул.

– Да.

– У нас на хвосте? – уточнил Гордон, подходя к ним с лошадьми на поводу.

– Не только, впереди тоже: устроил засаду на дороге в полумиле отсюда.

Белла пыталась унять внезапный приступ страха, от которого затрепетало сердце.

– Но как же он нас нашел?

Ее вопрос был обращен к Маккею, но ответил Макруайри:

– Ему было известно, по какой дороге мы поскачем в Скун, так что выследить нас не составило труда. А я-то надеялся, что дождь скроет следы! – Он оглянулся на спутников. – Должно быть, он сразу же обнаружил исчезновение жены.

Ледяные иглы вонзились ей в позвоночник.

– Значит, ему известно, где мы?

– Он уверен, что мы не могли уйти далеко, – ответил Маккей.

– Тогда можно съехать с дороги и направиться другим путем...

Мужчины промолчали, и ее сердце вновь вздрогнуло от страха.

– В чем дело?

Макруайри заговорил первым:

– Не все так просто. К югу от нас река, а к северу – болота. После такого дождя и думать нечего проехать там на лошадях.

– Значит, мы в ловушке?

Она задала вопрос Лахлану, которого считала среди них главным, но ни один мускул не дрогнул у него на лице. Она поняла, что разозлила его, по опасному блеску золотисто-зеленых пиратских глаз.

– Я остановился здесь, потому что лошадям требовался отдых, да и вы, казалось, того и гляди вывалитесь из седла. Эту пещеру трудно обнаружить, и я знал, что это единственное место, где мы будем в безопасности. А еще здесь сухо, и я полагал, что вас это обрадует.

Ее щеки вспыхнули: тут он, конечно, прав, – но как можно сохранять такое спокойствие, когда она того и гляди забьется в истерике?

– И что же вы намерены предпринять?

Он улыбнулся: по-настоящему, без издевки! – и если бы она не злилась так, то могла бы заметить веселые лучинки в уголках глаз.

– Ничего. Остаться на месте и ждать.

– И как долго? До коронации осталось два дня.

– До тех пор, пока не надоест ему, ждать или... – Он замолк.

– Что, «или»? – в тревоге спросила она, боясь услышать ответ.

– Или когда он подберется поближе.

Глава 3

Уже смеркалось, когда Лахлан подошел к пещере. День выдался долгим: нужно было убедиться, что им удалось пересидеть людей Бьюкена и они в самом деле уходят. Ему полагалось валиться с ног от усталости, но его почему-то переполняло странное возбуждение.

Было глупо пытаться убежать от Бьюкена с такой обузой, как графиня, да еще без запасных лошадей, но после двух дней ожидания он чувствовал себя одним из львов в зверинце короля Эдуарда, которого держат в тесной клетке. Уже в который раз он пожалел, что отправил предупредить Брюса о задержке Гордона, – надо было отправиться самому!

О том, чтобы послать Маккея, не было и речи: только искусный наездник смог бы проскочить мимо постов Бьюкена. Лахлан прекрасно бы с этим справился, если бы Брюс не назначил его ответственным за эту миссию.

И что прикажете делать? Коронация назначена на завтра, а они по-прежнему в двух днях пути, в этой пещере.

Недооценил он силы и упорство Бьюкена! Наверняка отрядил половину своих солдат обшаривать округу в поисках жены. Временами они находились в опасной близости, но Лахлан выбрал укрытие очень умело, так что, похоже, наконец-то Бьюкен убрался восвояси.

Нужно выждать еще пару часов, просто на всякий случай, и можно трогаться в путь.

Дело почти сладилось – и слава богу! Поскорее бы все это закончилось!

Прошедшие два дня он жил, словно в аду, и его личным демоном была Белла Макдуфф. Хотел бы он объяснить это тем, что она настоящая язва: непомерные требования, критика или стенания по поводу сложившегося положения, – однако ничего подобного. Лахлан был вынужден признать, что графиня отлично приспособилась к жизни, далекой от роскоши. Те благородные дамы, которых он знал, на ее месте принялись бы ныть и жаловаться на злосчастную судьбу, а надменная графиня взвалила на себя обязанность следить за чистотой пещеры и скудной утвари для еды, то и дело предлагала свою помощь Маккею.

Внешне эта дамочка была такой нежной и ранимой, зато крепости ее духа позавидовал бы и мужчина. Сильную, гордую и отважную Беллу Макдуфф не так-то просто сломить. Видит Бог, эти качества ей понадобятся, учитывая то, что ей предстояло совершить.

Вовсе не строптивый нрав и требовательность графини раздражали его. Лахлана бесила собственная реакция на ее присутствие. Было достаточно одного взгляда на ее роскошные формы, одного слова, слетевшего с ее чувственных губ, одного дуновения сладкого женского аромата, чтобы он вспыхнул вожделием. Не обращать на это внимания с каждым разом становилось все труднее.

Пещера была слишком мала, вот беда! Однажды он случайно столкнулся с Беллой и чуть не выскочил из собственной шкуры.

Она могла презирать его сколько угодно, только его дружочку не было до этого дела. Собственная слабость приводила Лахлана в бешенство: будто вернулись все те восемь лет, пока он держал себя в узде воздержания.

Собравшись с духом, прежде чем войти в пещеру, он хотел было свистом предупредить о своем приближении, когда тихий смех заставил его замереть на месте. Нежный грудной смех порхал в темноте, распалая его кожу, как огненная ласка. Его нервы были на пределе. Каждый мускул тела напрягся. Руки сжались в кулаки – так он пытался охладить жар, когда оказывался в пределах видимости от нее, – и это уже вошло в привычку.

– Это восхитительно! – услышал бархатный голосок, согревавший и обволакивавший, как теплые сливки.

Маккей пробормотал что-то в ответ, и Лахлан почувствовал дикий прилив злобы. Наверняка Святой всюю распускает перед ней хвост. Вон как она с ним любезничает!

Еще несколько шагов, и Лахлан смог заглянуть внутрь. Вечерний свет запутался в светлых волосах – мягкий водопад, рассыпавшийся по спине – и озарил их золотистым сиянием. Он мысленно представил, как эти волосы щекочут кожу, точно теплый атласный покров. Ему захотелось погрузить в них пальцы, зарыться лицом, глубоко вздохнуть их благоуханный аромат.

Проклятье! В нем все кипело и бурлило, и он не знал, что с этим делать.

– Кто бы мог подумать, что сырая рыба может быть такой вкусной? – Хрупкие пальцы подцепили очередной кусочек с блюда, которое Маккей изготовил из куска дерева. Надо же, какой заботливый! – А из чего этот соус?

Маккей хихикнул, а Лахлан сильнее сжал кулаки.

– Разные травы, соль и немного вина.

– И вы отыскиали все это здесь? Магнус Маккей, да вы кладезь талантов!

Лахлан еще больше разозлился. Святой нашел пару травок, а она расхваливает его так, точно он превратил воду в вино, в то время как сам он ходил по лесу под дождем, чтобы убедиться, что поблизости никого нет и ничто им не угрожает. И какова благодарность? Он удостоился лишь сердитого взгляда, когда она была вынуждена заметить его присутствие.

Ему очень не нравилось, что никак не удастся справиться со злостью. Чего доброго врежет кулаком по довольной роже Маккея, просто так, без всяких причин, потому что ничего предосудительного в поведении их обоих не было. Казалось, графине просто искренне нравится этот горец-великан, чего не скажешь о нем – ему она выказывала лишь отвращение.

Впрочем, ему не впервой чувствовать себя чудовищем, так чего же тогда злиться?

– Это нетрудно, если знаешь, что искать, – пожал плечами Маккей, смущенный и польщенный.

Она опять рассмеялась.

– В этом-то все дело! Я бы попросила вас поделиться знаниями со мной, только, боюсь, я безнадежна по части растений. Вот Джоан...

Она вдруг умолкла, и Лахлан напрягся, опять ощутив ту раздражающую пустоту в груди. Будь он способен на что-то подобное, мог бы решить, что это чувство вины, но тратить время на то, чтобы бить себя кулаками в грудь из-за того, чего все равно не изменить, не стал.

– Вот моя дочь хорошо разбирается в растениях, – продолжила Белла, и в ее голосе он услышал тоску.

– Вы беспокоитесь за девочку, – с неожиданной нежностью проговорил горец.

Графиня кивнула. Лахлан не видел ее лица, но не сомневался, что глаза ее налились слезами. Она едва не плакала всякий раз, когда говорила о дочери.

– Ведь Бьюкен ее не обидит, – продолжил Маккей, и в его голосе послышались стальные нотки.

Она покачала головой.

– Нет-нет, не думаю, но она знает о моих планах. Я никогда не говорила, что собираюсь куда-то забрать ее с собой. И теперь опасаюсь, что он забьет ей голову ужасной ложью. Мне просто жаль...

Она умолкла, стиснув зубы и сжав губы, и догадаться, о чем она думает, было несложно.

– Мне он нравится ничуть не больше, чем вам, – сказал Маккей. – Но Макруайри – да и никто другой на его месте – в любом случае не смог бы добраться до вашей дочери вовремя. А тут еще взрыв и ваш муж у самых ворот. Я видел, как Лахлан выбирался из самых немислимых ситуаций, однако выкрасть женщину с ребенком из крепости вроде Балвени, когда вокруг полно людей вашего мужа, вряд ли кому-то вообще по плечу.

Проклятье! Еще не хватало, чтобы Маккей его защищал! Решительным шагом Лахлан вошел в пещеру, не обращая внимания на Маккея с его укоризненным взглядом – почему не дал условленный сигнал? – и остановился в нескольких шагах от того места, где они сидели.

Ему захотелось вдохнуть ее благоуханный аромат, но он запретил себе даже думать об этом. Как этой женщине удастся так хорошо пахнуть после двух дней в пещере? И про себя опять проклял Маккея: который дал ей это чертово мыло.

Когда графиня взглянула на него и он заметил в глазах ее слезы, чувство досады больно кольнуло в груди.

– Простите, – начал Лахлан, не вполне осознавая, зачем это говорит, – но я был вынужден оставить вашу дочь в замке.

Он мог бы поклясться, что слышал, как у Маккея отвалилась челюсть. Графиня, казалось, удивилась не меньше, судя по ее взгляду. Однако на сей раз она отвела глаза не сразу.

Она так внимательно рассматривала его лицо, что Лахлану было неловко, хотя он знал, что ничего ей увидеть не удастся.

– То есть вы извиняться за ложь не хотите? – уточнила Изабелла.

Лахлан покачал головой.

– Нет. Я должен был вытащить вас отсюда. Вы бы стали сопротивляться, а нам нельзя было терять ни минуты.

– Но что, если бы я отказалась ехать без дочери? Вы предвидели такой исход?

Он ответил ей суровым немигающим взглядом.

– Может, это вам следует поблагодарить меня за то, что не вынудил вас принять такое решение.

Она ахнула и удивленно взглянула на него, когда осознала жестокий смысл этих слов. Она так гневалась из-за его лжи, что не подумала, чем могло бы все закончиться, скажи он правду. Ей пришлось бы делать выбор между дочерью и обещанием, данным Брюсу, между долгом и материнской любовью.

Выражение лица графини подсказало ему, что она наконец-то поняла причину его поступка.

– Постарайтесь немного поспать, – буркнул Лахлан, отворачиваясь. – Последний из солдат вашего мужа уехал сегодня днем. Мы тронемся в путь через несколько часов и будем скакать без остановок. Не знаю, долго ли Брюс согласится ждать.

Кажется, она была рада сменить тему.

– Вы уверены, что Уильям добрался до Скуна?

– Да, но не думаю, что Брюс станет тянуть с коронацией: ждать слишком рискованно.

Она кивнула, затем, извинившись, покинула мужчин на несколько минут. Лахлан старался не смотреть ей вслед.

Маккей встал и начал собираться. Ему предстояло стоять на часах, пока Лахлан будет спать – по крайней мере постарается уснуть, если это возможно неподалеку от графини. Макруайри постоянно чувствовал на себе его взгляд, наконец не выдержал:

– Ну говори уже!

– Оставь ее в покое, Макруайри! Бедная женщина достаточно натерпелась. Бьюкен превратил ее жизнь в ад.

Лахлан шагнул вперед, кровавая пелена заслонила ему глаза.

– Что ты хочешь сказать? Он ее бил?

Маккей ответил ему долгим взглядом, явно недоумевая, отчего командир так взъярился.

– Не знаю, но то, что измучил, верно: все время держал под замком.

Лахлан вспомнил про караульных в дверях ее покоев и еще двоих у подножия лестницы.

– Почему?

– Тиран хотел держать жену в узде, да покрепче.

Лахлан насупился, поскольку лучше, чем кто-либо другой, знал разрушительную силу ревности, как оправданной, так и беспричинной. Интересно, был ли у ее мужа повод ревновать? Он с подозрением взглянул на Маккея.

– Почему она тебе все это рассказала?

– Она и словом не обмолвилась: просто я сам сложил два и два из того, что слышал. А насчет «почему»... я ведь не пялюсь на нее, как ты. – Маккей помолчал, устремив на него испытующий взгляд. – Почему тебя это так интересует?

– Не интересуется.

У Макруайри появился повод взглянуть на ситуацию по-другому. Может, в этом причина ее разлада с мужем?

Ясно, что Маккей ему не поверил.

– Я видел, как ты на нее смотришь. Она красивая женщина – красивая, но замужняя женщина, которой придется дорого заплатить за то, что ей предстоит. А тут еще ты, со своими вздыханиями.

Лахлан не желал выслушивать мораль – ни от Маккея, ни от кого бы то ни было еще. Разумеется, он ее вождедел: нужно быть евнухом, чтобы воспринимать эту женщину иначе, – но однажды ему довелось вспылать безумной страстью, так что хватит, достаточно.

Уж кому-кому, но Маккею лучше подумать о себе.

– Если я ее захочу, неужели ты думаешь, что меня остановит брачный контракт?

Маккей взглянул на него с отвращением и буркнул, выходя из пещеры:

– Маклауд был прав: у тебя змеиная душа.

Что ж, вождю Шотландской гвардии виднее. Собственно, потому Лахлан здесь, разве не так? Выполнить задание, не задавая вопросов, – вот его метод.

Лахлан не сдержал усмешки.

– Пусть так, однако я по крайней мере не сохну по невесте лучшего друга.

Маккей вздрогнул, и он понял, что стрела попала в цель, а значит, надо внимательно наблюдать за руками воина, чтобы не попасть впросак, если тот схватится за оружие.

Охваченный яростью, Маккей тем не менее был достаточно опытен, чтобы позволить Лахлану заманить его в ловушку.

– Держись от меня подальше, Макруайри! Расточай свой яд в другом месте.

Не говоря больше ни слова, он стремительно вышел из пещеры.

Белла любила верховую езду. Только ради прогулки верхом муж отпускал ее на свободу – пусть и под бдительным присмотром дюжины солдат, призванных не столько охранять, сколько не допускать контактов с ожидавшими под каждым кустом любовниками. Но после сорока часов в седле – к тому же под дождем – ей казалось, что она больше никогда в жизни даже не посмотрит на лошадь.

Она считала себя хорошей наездницей, но, похоже, заблуждалась: после того как они были вынуждены держаться подальше от дорог и ехать через лес и прочие труднопроходимые места, тряска от быстрой скачки сделалась невыносимой. По сравнению со своими сопровождающими Белла казалась себе малым ребенком, который только учится ходить.

Время от времени они делали остановки – чтобы дать передышку и ей, и лошадям. Маккей уже начинал уставать, это было заметно, однако Макруайри, казалось, мог проскакать еще сутки без отдыха.

Как пирату удалось выучиться так замечательно сидеть в седле? «Ведь чужеземные гэлы», норвежские потомки Сомерледа, были опытными мореплавателями, про которых говорили, будто они и рождаются на своих галерах.

Она взглянула в его сторону и немедленно пожалела об этом. Пират тут же отвернулся, но она успела заметить выражение его глаз: пристальный, яростный, обжигающий взгляд – вождеделение в его самом первобытном проявлении.

Он так напугал ее, что Белла с трудом подавила рвавшийся из груди вскрик и сделала вид, будто ничего не заметила, однако внутренности словно опалило огнем, живот пронзила нервная дрожь, а в совершенно недопустимом месте разлился щекочущий жар.

Ей уже случалось ловить такие горящие взгляды. Макруайри ее хотел, но не желал, чтобы она об этом знала. Он, как и другие мужчины, смотрел на нее с одной-единственной мыслью на уме, просто обладал лучшей способностью держать себя в узде.

Белла уже была предметом безумной страсти мужчины и повторять ей не хотелось. Мужа с самого начала злило ее равнодушие. И он, похоже, решил, что может вырвать у нее ответное чувство, требуя ласк все более низкого свойства. Но чего бы он от нее ни требовал, как бы ни мучил, ему не удавалось ее запугать: не позволяла. Бьюкену так и не довелось порадоваться ее унижению.

Гораздо позже Белла поняла, что муж думал, будто может силой заставить ее испытать удовольствие. Только она оставалась бесчувственной, и тогда он обвинил ее в холодности и отсутствии женственности.

Какая ирония! Одним пылающим взглядом Лахлан Макруайри заставил ее почувствовать больше, чем муж со всеми своими затеями.

Собственная реакция приводила Беллу в замешательство. Хорошо хоть Лахлан, кажется, тоже не горел желанием ее замечать. Не одной Белле хотелось, чтобы путешествие поскорее подошло к концу.

Они скакали еще несколько часов, мужчины по очереди ехали то впереди, то сзади, – и так продолжалось до тех пор, пока она не поняла, что больше не выдержит.

Белла покачнулась в седле, и Лахлан – должно быть, опять за ней наблюдал, – сказал:

– Мы сделаем остановку чуть дальше, чтобы напоить лошадей, а через несколько часов нам следует въехать в окрестности Скуна.

Радость при мысли, что будет передышка, а потом тяжелое испытание и вовсе подойдет к концу, заслонило для нее все остальное. Забыв, с кем говорит, Белла тяжело вздохнула и улыбнулась.

– Слава богу!

На миг Лахлан изумился, даже смутился: она впервые ему улыбнулась. Даже так: впервые в ее взгляде он не увидел ни презрения, ни злости.

Белла поняла это в ту же минуту, что и Лахлан.

Они смотрели в глаза друг другу на миг дольше, чем обычно, прежде чем она отвернулась, чувствуя странное смущение еще и оттого, что осталась с ним наедине.

Потом он заговорил – с необычной мягкостью в голосе, будто опасался нарушить временное перемирие:

– Думаю, для нас будет великой радостью, когда все закончится. – Лахлан снова поймал ее взгляд, и Белла почувствовала странную дрожь во всем теле: глаза пирата обладали... поразительной силой. Их взгляд пронзал насквозь... нет, держал и не отпускал. Прозрачные, как кристалл, менявшие цвет, эти глаза казались колдовскими. – Вы проявили завидную выдержку, миледи. Сожалею, что пришлось гнать вас вперед, однако это было необходимо, чтобы не упустить единственный шанс прибыть в Скун вовремя.

Он извиняется уже во второй раз! И опять Белла была застигнута врасплох. Лахлан Макруайри казался последним мужчиной на земле, кто стал бы извиняться за что бы то ни было, и она не совсем понимала, как к этому относиться, как вообще относиться к нему.

Белла была вынуждена признать, что кое в чем Лахлан прав. Он избавил ее от необходимости совершить страшный выбор между дочерью и долгом. Он продолжал ей лгать, и она понимала, что ему нельзя доверять. Но, может, не такой уж он бессердечный разбойник, каким она его сначала представляла?

Бессердечный разбойник не станет накрывать вас пледом ночью, когда вы спите в сухой пещере, а он часами мокнет под ледяным дождем. Вчера утром, проснувшись в тепле и уюте, она сразу же узнала плед в темно-синюю и серую клетку – он носил его, набросив на плечи. Но как – и почему – этот плед, в конце концов, оказался на ней?

А как не восхищаться тем, как умело делал он свое дело! Не считая кротких передышек, Лахлан брал на себя львиную долю дежурств, спал мало и проводил долгие часы в седле в холод и дождь. Когда отвязалась одна из лошадей и забрела в болото, именно Лахлан отправился ее искать и проторчал больше часа в промозглой вонючей болотной жиже.

Интересно, что сделало его таким циничным? Неужели ему и вправду безразлично все на свете? Тут крылась какая-то тайна, и она против собственной воли ощутила некоторое любопытство. Белла нахмурилась. Нет. Ей очень даже любопытно.

– Как по-вашему – они будут ждать? – спросила она, возвращаясь к тому, что действительно должно было ее заинтересовать.

Лахлан повел бровью.

– А вы хотите, чтобы они ждали?

Вопрос застиг Беллу врасплох. Подумать только, через что ей пришлось пройти, чтобы добраться в Скун! В таком случае, разумеется, ей хотелось довести дело до конца. Однако, после долгих дней, когда ее преследовали люди Бьюкена, Белла уже сомневалась, что готова к тому, что последует дальше.

Но, кажется, ее мысли приняли опасный оборот и вторят предостережениям Макруайри? Собравшись с духом, Белла храбро встретила его взгляд.

– Разумеется, хочу.

Это не просто ее долг. Она не может иначе. Роберт Брюс не только лучшая для Шотландии возможность сбросить иго английской тирании. Это единственный человек, который способен объединить страну. И Белла сделает все, что в ее силах, для того, чтобы это произошло. Это ее шанс совершить нечто важное.

Она достойна большего, нежели раздвигать ноги для удовлетворения мужской похоти.

Лахлан спешился, привязал коня к дереву и помог ей сойти на землю. Белла старалась не замечать, что его руки обнимают ее талию. Лучше бы это был Магнус: в его присутствии ей не было так... тревожно, – но Магнус смотрел на нее как друг в отличие от Макруайри. Тот, казалось, готов был сорвать с нее одежду и вылизать каждый дюйм ее тела.

Эта мысль должна была показаться ей отвратительной, но, напротив, пульс ее участился, по коже разлилась жаркая волна. Какова бы ни была природа этого чувства, оно делалось настойчивее, требовательнее, и это ей совсем не нравилось.

– Магнус знает, где нас искать? – чуть дрожащим голосом, выдававшим ее волнение, спросила Изабелла.

При упоминании Маккея по лицу Лахлана прошла черная тень, и он резко отпустил ее. Белла покачнулась – после долгой скачки ноги были как ватные.

– Да, он нас найдет. И тогда будьте готовы ехать дальше.

Коротко кивнув, он отошел и занялся лошадьми.

Наблюдая за ним, Белла хмурилась, гадая, чем вызвана эта вспышка злости: ведь только что они разговаривали вполне дружески.

Она сняла сумку, притороченную к седлу, и пошла к озеру.

– Куда вы? – окрикнул он.

– Искупаться. – Он собирался возразить, но она перебила: – Не могу же я предстать перед новым королем Шотландии точно грязная нищенка.

Пират сощурил свои колдовские глаза.

– Будьте осторожны и постарайтесь не исчезать из виду.

Белла порадовалась, что уже повернулась к пирату спиной и он не видит, как она покраснела. Ей хотелось хорошенько вымыться и привести себя в порядок, но совсем ни к чему, чтобы он при этом на нее глазел.

Покончив с неотложными делами, Белла быстро оглянулась по сторонам, сняла одежду и, стиснув зубы, бросилась в ледяную воду озера. При помощи обмылка, что дал ей Маккей, она вымыла голову, а кусок ткани использовала как мочалку. От холода зубы начали выстукивать дробь.

– Графиня!

О господи! Только этого не хватало!

– Да, я здесь, – отозвалась Изабелла, в спешке промокая волосы полотенцем. – Дайте мне еще минуту!

Дрожа от холода, она протянула руку к сорочке, но прежде чем успела ее натянуть, кто-то схватил ее сзади.

Мимолетная мысль, что это Макруайри, исчезла, как только она почувствовала запах. Для разбойника Макруайри слишком уж чистоплотен. От него всегда приятно пахло: теплый запах кожаного акетона и легкий мужской аромат, – а от этого несло потом и прогорклым луком.

Господи, она попалась!

Кровь застыла в жилах. Беллу охватил ужас, каждый нерв кричал об опасности, и первым побуждением было бежать. Она попыталась закричать, вырваться, но негодяй зажал ей рот рукой и, обхватив другой за талию, поволок в чащу леса, прошептав на ухо:

– Не усугубляйте свое положение, миледи, оно и так хуже некуда. Графу не терпится с вами увидеться. – Он мерзко хохотнул. – Хотя, готов спорить, он не ожидает, что увидит все и сразу.

Что-то в его голосе заставило ее насторожиться, и она поняла, что не ошиблась, когда рука в перчатке скользнула вверх и сжала грудь. Белла по-настоящему запаниковала, стала вырываться, но это его, похоже, лишь распалило, и он еще сильнее стиснул грудь.

– Теперь понимаю, отчего твоему муженьку так не терпится тебя заполучить. Никогда не видел таких сисек! Не будь ты женой Бьюкена, я прямо сейчас бы тебя оседлал.

Внезапно у них за спиной раздался звук, который не спутаешь ни с чем: клацанье стали ее похититель тоже услышал.

– После того как мои люди разделяются с этим мятежником, можешь орать сколько хочешь.

Господи, Лахлан! Страх с неожиданной силой пронзил ей сердце.

Этого человека она никогда не выбрала бы себе в провожатые, но сама мысль, что в эту минуту он, возможно, сражается не на жизнь, а на смерть – или уже мертв, – была невыносима. Поразительно, но так.

Белла обмякла, будто боевой дух покинул ее. Нет, нельзя, чтобы похититель вернул ее мужу, она будет драться до последнего. Уловка удалась: он поверил, что она смирилась, да и в лесу внезапно стало тихо, и он ослабил хватку.

Возможность вскоре представилась, и Белла ее не упустила: что есть силы впиалась зубами в грязную мясистую ладонь, ударила по ноге и вонзила локоть в самый центр увесистого живота. Хрюкнув, застигнутый врасплох похититель разжал руки: скорее от неожиданности, чем от боли, – и она нырнула в ближайшую прогалину между деревьями, понимая, что у нее всего несколько секунд прежде, чем он придет в себя.

– Ах ты, су...

Раздался тошнотворный звук – что-то хлюпнуло, – и он умолк, не договорив.

Белла улучила миг и бросила взгляд назад. Ее похититель пошатнулся, как огромный дуб, прежде чем рухнуть. Из горла его торчала рукоять кинжала.

Не успел он повалиться на землю, как из-за деревьев бесшумно вынырнул Макруайри, наклонился над умирающим, выдернул кинжал и хладнокровно и умело перерезал ему горло.

Его взгляд отыскал Беллу.

– Вы целы?

В его голосе было столько тревоги, что ей немедленно захотелось расплакаться, как плакала, будучи маленькой девочкой, и бежала за утешением к матери, когда что-нибудь случилось.

Не в силах вымолвить ни слова, Белла только кивнула.

– Опасности больше нет, так что можете выходить.

Ее буквально затопила радость, из глаз брызнули слезы. Пират бросил на нее один-единственный взгляд, когда она вышла из зарослей, и окаменел, а она совсем забыла, что не успела одеться. Он не отрываясь смотрел ей в глаза, и она наконец сообразила, что показала ему всю себя. Только это вовсе ее не смутило: будь ее воля, она бросилась бы к нему, пусть это и глупо. Как же ей хотелось оказаться в надежном убежище его теплых рук, почувствовать себя в безопасности! Но выражение его глаз остановило Беллу.

Ей казалось, что уже знает, каков он в гневе, но она явно ошибалась. Побелевшие губы, сжатый в нитку рот, холодный колючий взгляд и глаза как два осколка зеленого льда, рука, сжимавшая рукоять кинжала, ужаснут кого угодно. Подобравшись каждым мускулом, Лахлан дрожал от ярости, а она не сводила взгляда с его челюсти, где зловеще перекачивались желваки, и тело ее сотрясала дрожь, но не гнева, а страха. Его холодная расчетливая ярость приводила ее в ужас. Уж лучше бы сыпал ругательствами – таким она его уже знала и не боялась.

Что с ним такое?

Белла отпрянула, но в два длинных шага он очутился рядом, схватил за локоть, и она оказалась прижатой к его твердой мускулистой груди. Помогите ей боже! Она ощущала каждый бугор, каждую плоскость, каждый тугий узел этой стены мышц. Ее сердце гулко стучало, и теперь уже не только от страха.

– Если вы хотели, чтобы вам помогли искупаться, нужно было просто попросить. Я же велел вам быть на виду. – Он начал ее трясти. – Зачем вы ушли? О чем думали?

Она открыла рот, ошеломленная его обвинением. К горлу подкатывали рыдания, глаза налились горячими слезами. Она не могла взять в толк, от чего он так злится. Ведет себя в точности как ее супруг: кричит, обвиняет, унижает.

– Мне нужно было вымыться. Я не думала...

– Вы вообще не думали! Черт, неужели не понимаете, что могло случиться? Вас могли убить!

Теперь он кричал, крик повис в плотном лесном воздухе и, кажется, заставил его опомниться. Он оттолкнул ее, словно его окатили кипятком.

Долгую минуту они стояли, в молчании пожирая друг друга глазами. Его грудь поднималась и опускалась в такт неровному дыханию. Может, он и не заметил, но, к ее стыду, у нее отвердели соски, а груди налились мучительной тяжестью. Лахлан поморщился словно от боли, но быстро овладел собой, а когда заговорил, голос его опять звучал ровно и даже бесстрастно, безразлично. В нем не было страха. Впрочем, откуда ему взяться? Страх означал бы, что он тревожится за нее, но Лахлан Макруайри был не из тех, кто способен на подобные чувства.

– В следующий раз делайте, что вам говорят, и тогда неприятностей не будет.

Злые слезы щипали глаза. Как он смеет обвинять ее! Никуда она не уходила и не думала, что попадет в плен. Те мужчины, очевидно, сидели в засаде и ждали именно ее, так что, где бы она ни была, они бы все равно ее захватили.

– Возможно, следующего раза не случится, если вы будете лучше исполнять свои обязанности.

Не успев договорить, Белла пожалела о своих словах: она к нему несправедлива! Впрочем, как и он к ней: накричал в гневе. Его задачей было защищать, а не прочесывать местность в поисках врагов. На разведку послали Маккея; они думали, что их станут преследовать, и не ждали опасности впереди, уже близ Скуна.

Он приподнял бровь. Кажется, ее замечание произвело впечатление, но вовсе не разозлило его.

– Не теряйте бойцовского духа, графиня! Видит Бог, он вам понадобится.

Белла поджала губы. Ей не нравилось, когда он разговаривал с ней вот так, словно знал нечто такое, чего не знала она. Холодный расчет наемника против ее наивных идеалов. Легко быть циничным, если ни во что не веришь!

Она сжала кулаки, сопротивляясь желанию залепить ему пощечину, чтобы стереть с лица эту ухмылку.

– Ступайте к черту, Макруайри!

Он рассмеялся.

– Вы опоздали, графиня! Я там уже побывал. – Его взгляд на долю секунды опустился ниже, но лицо оставалось суровым. – Бога ради, оденьтесь же наконец!

Если Лахлан хотел ее смутить, заставив вспомнить о наготы, то просчитался. Белла лишилась скромности давным-давно. Муж заставлял часами стоять перед ним нагой и отпускал замечания по поводу каждого дюйма ее тела. В грубых выражениях подробно объяснял, что с ней намерен делать, пытаясь унижить и силой вырвать хоть какой-нибудь ответ, но ей было все равно: эти голые груди, бедра и ноги были словно чужими. Макруайри не увидел ничего.

Она не стала закрываться – пусть насмехается сколько угодно. С высоко поднятой головой Белла пошла – не побежала – на берег озера. Одеваясь, она чувствовала на себе его взгляд, но когда оглянулась, его лицо по-прежнему напоминало каменную маску.

Они молчали, когда шли к лошадям, да и о чем говорить – похоже, все сказано, но когда увидела тела мужчин, которых он только что убил – причем голыми руками, – Белла остановилась и вскрикнула от ужаса.

– Это война, графиня, во всей красе! Привыкайте, – буркнул Лахлан, решив, что она его осуждает.

Белла промолчала, поскольку, наоборот, хотела поблагодарить его за то, что он сделал ради ее спасения. Зачем что-то объяснять? Все равно или накричит, или наговорит колкостей – язык-то ядовитый.

Лахлан Макруайри, как хамелеон, меняет маски, и нужно постараться не забывать, какой он на самом деле: низкий, порочный и коварный.

Зато она, кажется, поняла, почему Роберт выбрал именно его. Белла могла бы усомниться в его верности и преданности, однако тот, кто умеет убивать так легко и хладнокровно, ценное приобретение для любой армии.

Приблизительно через час их догнал Маккей, а Белла с Лахланом больше не разговаривали.

По прибытии в аббатство Скун их ждало разочарование: коронация уже совершилась, двумя днями ранее на холме Доверия, – но длилось оно недолго. Предполагалось, что церемонию проведут второй раз: втайне, на древних камнях Друидов, – и они успеют туда, если поторопятся.

Макруайри возглавлял их маленький отряд. Им троим предстояло преодолеть короткое расстояние на восток от аббатства, через лес, туда, где находился каменный круг. Беллу не удивило, что Брюс выбрал именно это место. Десятью годами ранее Эдуард выкрал знаменитый шотландский камень Судьбы, на котором короновались шотландские короли. Камни Друидов тоже связаны с историей Шотландии как символ силы и преемственности королевской власти.

Ветер донес пронзительные звуки волюнок, когда они взобрались на холм и их взорам представился каменный круг. Белла ахнула, благоговейно созерцая зрелище, открывшееся с холма. Между камнями, подобно золотым пальцам, в землю вонзались лучи солнца, как будто рука самого Бога простерлась с небес, чтобы благословить священное действо.

Облаченный в роскошные королевские одежды, Роберт стоял перед самым большим из камней. Вокруг собрались немногочисленные избранные свидетели. Белла узнала Уильяма Ламбертона, епископа собора Святого Андрея, который стоял по левую руку от короля, а вот стоявший справа воин весьма устрашающего вида был ей незнаком. Когда они подъехали ближе и остановились, среди воинов, выстроившихся в ряд перед королем, она заметила также Кристину Фрэн.

Не обращая внимания на Макруайри, который хотел ее удержать, снова скривившись от ярости, Белла соскочила с коня, подбежала к Роберту и присела в реверансе:

– Ах, ваша милость! Я спешила как могла. Простите, что опоздала.

Она не преминула отметить – с некоторым злорадством, – какой колкий взгляд бросил на нее Макруайри и как скрипнул зубами.

Роберт одарил ее своей лучезарной братской улыбкой, которая многие годы назад помогла ему завоевать ее вечную преданность.

– Нет, Белла, ты не опоздала. Как может быть слишком поздно, если ты рисковала жизнью, чтобы быть с нами?

Белла улыбнулась в ответ. Пусть она никогда больше не увидит Лахлана Макруайри, но пират по крайней мере исполнил свой долг: привез ее.

И очень скоро Белла стояла напротив человека, который был последней надеждой Шотландии и которому доверяла всем сердцем, и слушала, как епископ нараспев читает генеалогию Роберта, возводя его род к великому королю Кеннету Макальпину, первому королю скоттов, подтверждая его право на престол. Когда епископ закончил, Белла сделала шаг вперед – на ее накидке сверкала брошь Макдуффов, – чтобы занять свое место в истории, подтвердив наследственное право своей семьи короновать шотландских королей.

Епископ подал Белле корону, и груз ответственности тяжело лег на ее руки: она понимала важность того, что собирается совершить, и когда настал заветный миг, не колебалась. Руки не дрожали, когда она подняла над головой золотой обруч, который в лучах солнца превратился в сверкающий нимб, прежде чем возложить его на голову Роберта Брюса. Чувствуя за собой силу своих предков, совершенно уверенная в правоте дела, ради которого бросила вызов и супругу, и королю, Белла произнесла слова, уже сказанные двумя днями раньше: «Боже, благослови короля Шотландии». Пусть это были те же самые слова, что на первой церемонии, но с одним важным отличием: их произнесла представительница рода Макдуффов.

Белла могла вздохнуть с облегчением. Все, дело сделано. Назад дороги нет.

Исполнив долг, она отошла в сторону, наблюдая, как свидетели церемонии друг за другом подходили, чтобы поклониться новому королю. Когда наступил черед Лахлана, она инстинктивно подобралась и подготовилась. Не помогло: наемник бросил на нее пристальный взгляд, потом приподнял бровь и цинично усмехнулся. Пропади он пропадом!

Белла знала, что все делает правильно, и какие бы еще события не уготовил ей сегодняшний день, была рада, что никогда больше ей не придется встречаться с Лахланом Макруайри.

Глава 4

Страттуммел, Форест-оф-Атолл, конец июля 1306 года

«Никогда» вернулось к ней четыре месяца спустя.

А потом что-то пошло не так – вернее, не так пошло все! Белла не могла даже представить подобного конца. Бежать, спасти свою жизнь... будто они преступники. Англичане дали Брюсу прозвище Король Висельник, и было мучительно сознавать, что это правда.

Белла смотрела в голубые глаза Маргарет, огромные на бледном лице, наполненные страхом.

– Ты уверена? Королева действительно сказала, что мы должны покинуть и короля, и армию?

Кузина кивнула, не в силах сдержать слезы, и они побежали по ее щекам.

– Да, и приказала собираться: мы должны выехать через час.

Страх, написанный на лице девушки, был прямо-таки осязаем. Уже не в первый раз Белла пожалела, что приняла Маргарет к себе в услужение: милая, кроткая, она не могла выдержать тягот подобного существования.

Да и никто бы не выдержал. За прошедший месяц они повидали столько сражений, смертей и крови, сколько Белла не думала увидеть за целую жизнь.

Незначительная поддержка, которой Роберт заручился после коронации, пока Эдуард собирал войска для похода на мятежников, рассеялась после сокрушительного разгрома при Метвене. Соглашаясь встретить противника именно там, Роберт надеялся на победу, но его предали: Эмер де Валанс, презрев кодекс рыцарской чести, атаковал раньше условленного срока.

Роберт делал ставку на решительную победу, которая утвердила бы его право на королевский трон, но конец был гибельным и печальным. Тех, кто оставался верным королю, разгромили и вынудили бежать на холмы, а король тем временем пытался восстановить силы и собрать под свои знамена новых воинов.

На зов поспешили немногие, и до Метвена войско Роберта было, мягко говоря, немногочисленным: большая часть сплотилась вокруг ее мужа и других могущественных вождей, а после Метвена тех, кто еще сочувствовал Брюсу, оказалось слишком мало, чтобы противостоять ярости Эдуарда, угрожавшего жестоко покарать мятежников. Скоро все увидели, каковы могут быть последствия: после пленения и казни Саймона Фрейзера, с которым расправились с той же чудовищной жестокостью, что и с Уоллесом.

Вместе со всеми спастись бегством пришлось и Белле, и королеве Элизабет, и Марджори, дочери Роберта от первого брака, и двум его сестрам Кристине и Мэри. Последний месяц они влачили существование на подножном корму, как изгои, в наспех сооруженных хижинах, окруженных простым деревянным частоколом, в лесу поблизости от берегов озера Труммел, под покровительством Дункана Отважного, вождя клана Доннхайд.

Накануне, когда англичане загнали Роберта с востока, он предпринял попытку пробиться на запад. Обнаружилось, однако, что в местечке Далриг на дороге ждет засада под предводительством Джона Макдугалла, лорда Лорна, с тысячей воинов его клана. Король с несколькими сотнями воинов принял бой и едва сумел сбежать, спасая свою жизнь. Один из солдат Лорна буквально держал короля в руках: он сорвал с Роберта плащ и забрал с собой королевскую брошь.

Теперь они не могли оставаться даже в этом временном убежище: придется опять бежать.

Слава богу, с ней не было Джоан. Макруайри оказался прав: ее дочери тут не место. Он вообще во многом был прав. Белла же сильно недооценила Эдуарда, с его яростью и желанием

отомстить мятежным подданным. Молот ударил по ним со всей силой, а за ее голову была обещана награда.

Так было поднято печально известное «знамя с драконом», означавшее, что мятежникам не будет пощады: убийство без суда.

Нельзя, чтобы видели, как она дрожит от страха! Белла попыталась утешить кузину, выбросив из головы Лахлана Макруайри. Со дня коронации она почти ничего о нем не слышала – впрочем, учитывая, как обернулось дело на войне, беспринципный наемник, вероятно, давно переметнулся на сторону противника.

Белла стиснула зубы. Ей следует думать лишь о том, чтобы избежать смертельной опасности и найти способ вернуть дочь. Четыре месяца показались ей вечностью, но, по крайней мере, Джоан не выдали замуж. Предательство матери спасло от беды дочь.

Белла гладила Маргарет по волосам, пока девушка рыдала у нее на плече и причитала:

– Что с нами будет? Как мы доберемся до Килдрамми, если с нами всего десяток воинов?

Кто нас защитит?

Белла ничего не ответила, да и что здесь скажешь, если она сама не знает? Король отсылает женщин под охраной нескольких рыцарей, но это как-то не успокаивало.

Маргарет подняла голову и устремила на кузину покрасневшие глаза под набрякшими веками.

– Нас поведет какой-то Лахлан Мак... Мак...

Белла вздрогнула.

– Макруайри?

Кузина энергично закивала.

– Точно. Ты его знаешь?

Белла горько усмехнулась.

– Это один из тех, кто выкрал меня из Балвени.

За эти месяцы отчаяния и вынужденной разлуки с дочерью – муж, правда, издевательски предложил ей приехать и забрать ее – Белла рассказала Маргарет многое о своих приключениях. Сердечная боль не утихала, а напротив, лишь усиливалась с каждым новым днем разлуки. Она не осмеливалась спросить себя, когда сможет увидеться с дочерью снова: слишком тяжело было об этом думать, – но Джоан, по крайней мере, знала, что мать ее не бросила. Через несколько недель после коронации Роберт сообщил, что Джоан передали записку. Он не рассказал подробности, но заверил, что ее дочери все объяснили. Белла была тронута заботой короля.

Маргарет ахнула:

– Это тот самый, кто солгал тебе насчет Джоан?

Белла кивнула, и кузина, как и следовало ожидать, пришла в ужас. Король не просто отсылал их, но вверял их судьбу человеку, который был верен исключительно собственному кошельку. Но тревожила Беллу не только предательская натура Макруайри: гораздо сильнее она переживала из-за того, что происходит с ней в его присутствии.

Лахлан Макруайри ее смущал, лишал самообладания.

– Не волнуйся, дорогая. Я поговорю с Робертом и все выясню. Тут, должно быть, какая-то ошибка.

Оставив Маргарет собирать их скудные пожитки, Белла отправилась на поиски короля.

Роберта не было в Королевском зале – так в армии называли хижину, где он жил, – однако королева Элизабет подтвердила слова Маргарет и отправила Беллу на берег озера, где стояла лагерь армия – вернее, то, что от нее осталось.

Белла поспешила к озеру, но открывшееся ее глазам зрелище встревожило еще больше. В лагере царил хаос. Вероятно, у Брюса оставалось не более двухсот воинов, многие были ранены

и истекали кровью: у кого-то фактически не было руки или ноги, – и лежали на земле там, куда повалились сами или были принесены после вчерашнего отступления.

Вонь была ужасающая. Белла закрыла рукой рот, чтобы не вырвало. Ей бы уже следовало привыкнуть к подобным ужасам, но в воздухе висели запахи крови, пота и других телесных жидкостей, образуя такую тошнотворную смесь, что не обращать на это внимания было выше ее сил.

Мужчины сновали по лагерю, срывали палатки, собирали пожитки. Ее никто не замечал или все были слишком заняты, чтобы кого-то замечать. Армия разваливалась, люди бежали, пытаясь спасти свою жизнь. О господи, как же такое могло случиться?

Наконец она заметила Эдуарда Брюса. Младший брат Роберта ей не очень нравился: вспыльчивый, надменный и противоречивый, он был столь же искусным воином на поле битвы, что и сам король, но ему недоставало галантности и природного благородства.

– Где его величество? – обратилась к нему Изабелла. – Мне нужно с ним поговорить.

Эдуард окинул ее неторопливым взглядом. Пристальный взгляд черных глаз ничего не выражал, но Белла догадалась, о чем он думает.

– Король занят. Может, я сумею помочь?

Она презрительно сощурилась – его слова, даже тон голоса, подразумевали оскорбительный намек. Было ясно, что он имеет в виду. Лживый слух, пущенный мужем – якобы это он выгнал распутную жену из дому, – проник даже в их лагерь. Ее охватил гнев.

– Мне нужен король, – повторила Белла таким тоном, чтобы у Эдуарда не осталось сомнений, что никто не заменит ей короля, тем более его младший брат. – У меня очень важное дело.

Он смерил ее уничижительным взглядом, и она поняла, что удар достиг цели.

– Роберт там. – Эдуард указал на группу воинов, которые стояли на некотором удалении от остальных, возле загона, где содержались несколько ценных королевских боевых коней. – Но лучше подождать, пока он закончит.

Похоже, у короля важное совещание, поскольку его окружали верные рыцари: сэр Макнил Кэмпбелл, сэр Джеймс Дуглас, граф Атолл и прочие, среди них Уильям Гордон и Магнус Маккей.

Видеть этих двоих Белле всегда было приятно, и ей нравилось перекинуться с ними словечком, когда их пути пересекались в течение этих нескольких месяцев. Смущало, однако, то место, которое они занимали в армии короля. Вряд ли простые солдаты могут водить дружбу со столь знатными особами. Белла часто видела их с другими рыцарями – например, с вождем одного из западных кланов с острова Скай по имени Тор Маклауд, который занимал неожиданно высокое положение среди ближайших наперсников короля.

Было в этих воинах что-то особенное, и не только внушительный рост и сила – все горцы были высоченные и мускулистые. Их отличали властные манеры, привычка отдавать приказы.

Она последовала совету Эдуарда, но, к счастью, долго ждать не пришлось. Совещание закончилось через несколько минут, и мужчины стали расходиться. Остался только один.

Странное волнение охватило Беллу. За эти месяцы, с того дня как она видела его в последний раз, Лахлан Макруайри почти не изменился, разве что выглядел еще подозрительнее: отросшие волосы, небритый, грязный заляпанный кровью акетон, – зато, кажется, пополнился его боевой арсенал, притороченный ремнями к спине. Лицо пирата осунулось, стало еще суровее, но это лишь прибавило ему грозной притягательности.

Белла раздраженно поджала губы. Кое-что в нем точно не изменилось. Каким был красивым этот дьявол, таким и остался. От него исходило ощущение мужской силы. И, если бешеный стук сердца что-то да значил, Белла по-прежнему была во власти этой силы.

Нужно положить этому конец. Она уже повидала бед, так что новые неприятности из-за отъявленного злодея, который смотрел на нее так, будто она годилась лишь на то, чтобы удовлетворять его вожделиние, ни к чему.

Белла пересекла поляну, лавируя среди всеобщего хаоса, и подошла к загону сбоку. Не смея прерывать их беседу, она надеялась, что Роберт сам обратит на нее внимание, но они о чем-то так жарко спорили, что не замечали ее. Белла не собиралась подслушивать, да только и они не считали нужным говорить тише.

– Найдите кого-нибудь другого, – горячился Макруайри. – Назначьте командиром Дугласа или Атоллу. Я больше пригожусь вам на западе вместе с Ястребом.

Белла было задумалась: кто такой Ястреб? Потом до нее дошел смысл его слов. Если бы не столь отчаянное положение, она могла бы даже порадоваться: Макруайри не желал ее сопровождать.

– Не тебе решать, что и как делать. Ты отказываешься выполнять мои распоряжения?

Белла застыла, наблюдая за Лахланом, который осмелился возражать самому королю. Он так стиснул зубы, что побелели губы; глаза вызывающе сверкнули, а тело напряглось, как у змеи перед прыжком.

Потом она услышала, как он пробормотал:

– Нет, не отказываюсь, просто прошу подумать еще раз. Я на такое не подписывался.

А как же ответственность, долг? Да чему, собственно, она удивляется? Тот, кто бросил собственный клан, вряд ли может быть вожаком.

Но каким бы грозным ни казался Макруайри, Роберт Брюс не отступал ни перед кем – даже перед таким вот головорезом с горой мускулов.

– Именно на это ты и подписывался. Как думаешь, почему я выбрал именно тебя?

Долгую минуту мужчины мерили друг друга взглядами, и Белла могла поклясться, что чувствует, как между ними проскакивают искры.

Наконец Лахлан кивнул.

– Пойду приготовлю лошадей.

Белла в отчаянии смотрела ему вслед. Жаль, что он не сумел переубедить Роберта: значит, придется заставить короля принять ее доводы. Он как раз уже шел в ее сторону, но был настолько погружен в свои мысли, что мог бы пройти мимо, если бы она его не остановила.

– Прошу вас, сир, на одно слово!

Он поднял голову и, увидев Беллу, вымученно улыбнулся, а ее сердце охватила печаль.

Роберт Брюс выглядел именно так, как и должен тот, кто потерпел сокрушительное поражение, кого чуть не убили, причем дважды, на чьих глазах умирали друзья, много друзей, на кого идет охота и кто знает, что нигде на земле для него не осталось безопасного места.

Белла чувствовала, как подступают к горлу рыдания. Никогда в жизни не думала она, что увидит подобное уныние на лице Роберта Брюса!

Она была чуть старше Джоан, когда впервые встретила красивого молодого сквайра, который приехал, чтобы упражняться в боевом искусстве с ее отцом. Даже в семнадцать лет он казался хозяином жизни. Обаятельный и галантный, он ущипнул ее за нос и заявил, что когда-нибудь она задаст всем жару: силы духа у нее хоть отбавляй, сказал он.

Но вряд ли он знал, каким испытанием для нее станет замужество.

Роберт был единственным, кто дал понять Белле, что ее желания тоже имеют значение. Для нее он был как старший брат, которого ей всегда хотелось иметь: терпеливый, внимательный, добрый. И главное – он был ее отважным защитником.

В те месяцы, что прожил с ними – вплоть до смерти ее отца, – Роберт не раз спасал ее от его тяжелой руки. Отец Беллы был человеком жестокого и переменчивого нрава, то и дело отвешивал дочери затрещины, если она вызывала его неудовольствие, а это случалось нередко, но Роберту каким-то чудом удавалось его отвлекать. И отец забывал про неуклюжую девочку, которая то хлеб уронит, то суп прольет, то хохочет слишком громко.

Когда родственники убили отца, Белла была безутешна, но вовсе не потому, что ей было жаль тирана, а потому, что теперь Роберту придется уехать.

После того как вышла замуж, она редко видела Роберта, но несколько лет назад они оба оказались в Лондоне. Белла мрачнела лицом, вспоминая тот унижительный случай. Именно тогда муж впервые ударил ее. Застал их с Робертом в саду за разговором и решил, что здесь кроется нечто большее, чем дружба. Белла любила Роберта как брата, а теперь любила как короля, как и полагалось верной подданной. Ничего больше. Но мужу померещилась незаконная связь.

– Роберт, это правда? Вы действительно нас прогоняете?

Печаль в его глазах разбивала ей сердце.

– Нет, не гоню, Белла, а даю тебе шанс. – На вопрос в ее глазах он ответил: – Они не оставят меня в покое.

Конечно. Он надеялся увести преследователей за собой, чтобы женщины смогли спастись. Даже сейчас он все еще пытался их защитить.

– Найджел удерживает Килдрамми, – продолжал Роберт, имея в виду своего младшего брата. – Некоторое время вы будете там в безопасности, но если англичане подберутся слишком близко, я дал указания Зме... – Он оборвал себя на полуслове. – Макруайри отвезти вас в Норвегию, к моей сестре.

Он заметил, как вытянулось ее лицо, и поднял руку, призывая к молчанию.

– Знаю, ты его не жалуешь, но в молодости он долго жил в Норвегии, хорошо знает страну, так что отвезет вас туда, если понадобится. Тебе же известно, как ловко западные горцы управляют со своими галерами.

Это неудивительно: пираты всегда были замечательными мореходами, – но вовсе не означает, что она кому-то из них готова доверить свою жизнь.

– Дело не в моих симпатиях или антипатиях, – возразила Изабелл. – Я ему не доверяю. Роберт внимательно посмотрел на нее.

– Ты ничего не утаила от меня, Белла? Может, он сказал или сделал что-то такое, что тебя оскорбило?

Она покачала головой.

– Нет-нет, ничего такого...

Похотливые взгляды, конечно, не в счет: неважно, что они сводили ее с ума.

– Тогда, значит, ты сомневаешься в его опытности?

Она снова покачала головой, вспомнив полдюжины убитых солдат мужа в лесу. Нет, воин он умелый, тут ничего не скажешь.

– Я сомневаюсь в его верности. Как вы можете быть уверенным в том, что он не предаст? Этот человек ничуть не лучше обыкновенного бандита.

Губы короля дрогнули, и впервые за долгое время Белла увидела на его лице намек на улыбку.

– Да, он такой, но тебе не о чем беспокоиться: если Макруайри что-то обещает, то непременно сделает, даже если ради этого придется пойти на хитрость.

Однако королевская похвала ее не убедила.

– Прошу вас, Роберт! – Она дотронулась до руки короля, щеки ее порозовели. – Я случайно услышала... Он ведь и сам не хочет с нами ехать. Если он бросил людей своего клана, то почему, вы думаете, он может сопровождать нас? Неужели никого больше нет?

Роберт покачал головой.

– Белла, я принял решение и прошу тебя просто верить ему, как ты веришь мне.

Да, королю она верила, невзирая на все, что случилось. Она не дрогнула в своей убежденности, хотя Шотландия потеряла своего защитника и надежду на свободу.

Белла смиренно склонила голову, на глазах ее выступили слезы, когда с сокрушительной ясностью поняла: все пропало, ничего не сбылось.

– Ступай, девочка, собирай пожитки. Времени осталось мало: лорд Лорн наверняка уже готов броситься за нами в погоню.

Задыхаясь от рыданий, Белла поняла, что наступила минута прощания.

– А что будете делать вы? Куда направитесь?

– Пойдем на побережье: на западе у меня есть друзья. Как только оправимся, соберем новые войска и предпримем еще одну попытку.

По затравленному выражению в его глазах было ясно, что сам он в это не верил. Не верила и она. Дело Роберта Брюса было проиграно. Ему повезет, если сможет выбраться из Шотландии живым.

– Прощайте, Роберт, – не скрывая слез, проговорила Белла.

– Прощай, дитя мое. – Он протянул к ней руки, крепко обнял, и Белла улыбнулась сквозь слезы: именно так он всегда называл ее. – И прошу: позаботься о моей жене. Элизабет не привыкла к лишениям, у нее нет твоего боевого духа. – Он бросил на нее прощальный взгляд. – Прости, Белла, я не хотел, не думал, что все закончится так...

Он умолк.

– Вы не должны себя винить, и я нисколько не жалею о том, что сделала: и сегодня поступила бы точно так же. Вы наш лев.

Белла не кривила душой – что бы ни произошло, какая бы судьба ни ожидала их всех, он так и останется для них львом – символом шотландского рыцарства.

Она долго смотрела ему вслед, а потом и сама пошла к лесу. Ей оставалось только молиться за него и надеяться, что король знает, что делает.

Белла шла по тропинке, горестно вздыхала, а когда подняла взгляд, вздрогнула, неожиданно очутившись лицом к лицу с пиратом. Сердце испуганно екнуло. Не в состоянии отвести глаз, она была поймана, завлечена в ловушку одной лишь силой его взгляда. Она успела забыть, как пристально он умеет смотреть: его взгляд буквально впивался в нее, жаркий и пронизывающий.

Она покраснела, тревога опалила ее кожу огненным дыханием, точно лесной пожар. К собственному огорчению, Белла поняла, что ее реакция на пирата не изменилась, хотя нет: стала даже сильнее.

Но не только собственная чувствительность встревожила Беллу. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: он слышал ее разговор с королем. Пират был в ярости. И более того: в его глазах горел такой дикий огонь, что ей немедленно захотелось обратиться в бегство, – но Белла давным-давно научилась не выказывать собственной слабости. Умение держать себя в руках помогло ей выжить в замужестве: стоическое подчинение и безразличие, а не слезы или страх. Мужчина может подчинить себе ее тело, но силу духа – никогда.

Гордо подняв голову, она заставила себя двинуться ему навстречу, ничем не выдав яростного волнения своего сердца. Их глаза продолжали безмолвную дуэль.

– Графиня, – произнес он с легким поклоном.

Белла не сомневалась, что слышит насмешку в его голосе, но сделала вид, что это ее не задело, и, напротив, надменно повела бровью.

– Удивлена, что вы все еще здесь.

Макруайри улыбнулся, но она почувствовала, что ее замечание уязвило его сильнее, чем он был готов признать.

– Просто жду более выгодного предложения.

Она знала, что он пытается ее спровоцировать, и все-таки стиснула зубы. Попытка побороть его злость презрением не удалась. Лахлан Макруайри – это вам не Бьюкен. У него нет слабых мест. Несколько слов и холодный взгляд – это не вызов. Но она не позволит ему запугать ее.

– И сколько же в наши дни стоит наемный меч? – смерив его взглядом, спросила Белла.

Он не отвечал долгую минуту, по-прежнему не сводя с нее взгляда.

– Больше, чем вы можете заплатить.

Ответ прозвучал слишком резко, и она не поняла, отчего он грубит, но возникло ощущение, будто совершила ошибку: ткнула острым, пробив кажущуюся неуязвимой защиту из насмешки, и высекла искру. Будто он, как и она, умело прятал свои чувства, которых, как ей раньше казалось, у него нет. Но когда он резко повернулся и зашагал прочь, ей осталось только удивляться. Если ему на все наплевать, тогда зачем так злиться?

Как буря, ворвался Лахлан в палатку, которую делил с несколькими воинами, и, не обращая внимания на Гордона, принялся забрасывать свои пожитки в кожаную суму. Приторачивая ее к седлу, он не обращал внимания на жгучую злость, от которой вскипала кровь. Еще чего! Разбираться в чувствах не было времени. Нравится ему или нет, но ему придется вести отряд. Нужно сосредоточиться на том, как сделать дело. Чем раньше все закончится, тем скорее он сможет вернуться к своему клану и перестанет страдать из-за нее.

Но он никак не мог стряхнуть с себя наваждение от увиденного в лесу.

Снова и снова вспоминал: выйдя из наспех устроенной конюшни, он сразу увидел, что Изабелла и Брюс стоят рядом. И эта сцена – ощущение близости между ними – поразила его как удар в солнечное сплетение.

Неприятными были уже сами ее слова, но то, как она упрашивала короля, и вовсе привело Лахлана в бешенство. Изабелла и Брюс держались точно любовники. Ее полные роскошные груди, способные соблазнить даже монаха, легко касались груди короля. А как она держала его за руку, запрокидывая голову, как умоляла! При взгляде на эти нежные, чуть приоткрытые губы любой мог думать лишь об одном...

Видит Бог, с того дня в лесу Лахлан вообще не мог думать ни о чем другом. До сих пор его терзали воспоминания, как увидел ее обнаженной. Ясно, что он по-прежнему томился по ней, и четыре месяца на островах ничуть не помогли. Стало только хуже, и эта вспышка ревности может служить тому доказательством.

Роберт! Имя короля так легко слетало с ее языка. Так можно обращаться к любовнику.

Неужели правда то, что он слышал?

Ему не хотелось верить слухам. То есть насчет Брюса он вполне мог допустить – за королем числился целый выводок бастардов, – но вот от нее... нет, она совсем другая. Лахлан начал по-настоящему восхищаться графиней, что с ним случалось редко, но увиденное настораживало: что, если Бьюкен был отчасти прав, обвиняя жену в супружеской неверности? Якобы она рискнула всем, что у нее было, чтобы короновать Брюса лишь потому, что была его любовницей.

В условиях наложенного на Шотландию интердикта нечего было и думать, чтобы папа римский дал разрешение развестись. Тем не менее Бьюкен дал жене отставку. Развод *a mensa et thoro*, по принципу «ночлег и стол», позволял супругам жить отдельно, но не заключать новый брак. Единственный способ – признать недействительным прежний брак, и если найти веское тому основание, их дочь могут объявить незаконнорожденной.

Так неужели все правда? Возможно, это объясняет, почему она так рисковала, чтобы короновать Брюса.

Лахлан стал заталкивать в мешок скатанный плед, который служил ему походной постелью, да так яростно, что палатка затряслась.

– Какого лешего ты творишь, Змей?

Лахлан быстро огляделся по сторонам – нет ли кого поблизости? – прежде чем ответить.

– Ничего! А ты, Гордон, следи за языком. У нас, между прочим, особое задание.

Каждый из горцев, входивших в ряды Шотландской гвардии, имел прозвище, поскольку официально ее не существовало и настоящие имена никто не должен был знать. Тем не менее

слухи о тайном воинском братстве множились, и Лахлан понимал: сохранить в тайне их настоящие имена будет нелегко, но необходимо. Это не только придаст их отряду флер таинственности, но врагам будет труднее их обнаружить, а значит, поможет сохранить им жизнь.

Лахлан удивился, когда Брюс нарек его Змеем. Возражать, однако, вряд ли стоило, поскольку в этом прозвище было больше правды, нежели насмешки. Сначала его пустил в ход Тор Маклауд, оскорбительно намекая на мерзкий, змеиный норев Лахлана. Прозвище, однако, подходило ему как нельзя лучше: подобно скользкой змее, он умел вывернуться из любой ситуации и бесшумно нанести смертельный удар, а также проникнуть сквозь любые стены и уйти незамеченным, – исключительно полезный талант, если нужно захватить пленного или раздобыть сведения.

Его норвежские предки щеголяли прозвищами вроде Эрик Кровавый Топор или Торфинн Проломи Голову, поэтому Лахлан решил, что Змей – не так уж и плохо.

К несчастью, Гордон продолжал гнуть свое, невзирая на его предостережение.

– Не понимаю! Я думал, тебе тошно ходить под началом Маклауда и ты будешь рад, что можешь командовать сам.

Гордон прав: Лахлан терпеть не мог, чтобы им кто-то командовал, особенно Маклауд. Мало кто мог сравниться с Лахланом на поле боя, но вождь Шотландской гвардии был как раз одним из таких. И все-таки нежелание исполнять чужие приказы не означало, что он готов взять на себя ответственность за женщин короля.

Графиня полагала, что он презрел свой долг, отказавшись возглавить клан, и это действительно так. После того как сорок четыре воина последовали за ним прямо в смертельную ловушку, потому что он оказался таким идиотом, что поверил собственной жене, Лахлан отрекся от статуса вождя клана в пользу младшего брата.

Он был ослеплен вожделием, вот и проглядел тревожные признаки, когда молодая жена начала от него отдаляться. Избалованная вниманием – себе же во вред, – красавица Джулиана пожалела, что поспешила выйти за него: вождь клана, он был незаконнорожденным и не имел земельного надела, который подкрепил бы его титул. Когда подвернулся более состоятельный поклонник, она убедила своего брата, Джона из Лорна, будто Макруайри замыслил его предать. И вместо маленького отряда Макдоналда, на который предполагалось совершить неожиданный налет, Лахлана и его людей в бухте Кентра дожидалась добрая сотня англичан.

Макдоналды, его родичи и враги, нашли Лахлана умирающим, с торчащим из плеча копьем. Он был единственным выжившим. Его воины – друзья, которых он знал всю жизнь, которые верили ему, – были убиты у него на глазах точно свиньи на бойне. Было чудом, что Лахлан выжил, или проклятием – это как посмотреть.

По причинам, неясным ему до сих пор, кузен Энгус Ог, младший брат вождя клана Макдоналд, помог ему сбежать из темницы. Но, восстав из мертвых, Лахлан обнаружил, что жена помолвлена с другим и переехала в замок брата в Дунстаффаге. Лахлан поменял одну тюрьму на другую, вот и все. А ведь Энгус Ог предупреждал, да Лахлан не слушал. Его объявили предателем, имущество и состояние были конфискованы. И Лорн, который искал случай заключить мир с англичанами, получил своего козла отпущения. Как кстати! На него и возложили вину за участвовавшие нападения на солдат короля.

Скомпрометированный, объявленный мятежником, Лахлан, к тому же подозреваемый в убийстве жены, которой на тот момент уже не было в живых, понимал, что будет лучше для всех – для его семьи, его клана и для него самого, – если он уберется подальше. И он отплыл в Ирландию, сделался галлогласом, то есть наемником, и служил каждому, кто готов был платить.

Его плечи окаменели. Если он не хочет сопровождать этих дамочек, это вовсе не значит, что ему понравилось, как Белла Макдуфф умоляла короля заменить его кем-нибудь другим. «Удивлена, что вы все еще здесь!»

Ее презрение жалило очень болезненно. Проклятье, ведь она его совсем не знает! Ей только казалось, что знает, из-за его репутации. Однако то, что он выполняет разные поручения за деньги, не означает, что у него нет чести. Да, вероятно, он циник, излишне практичен, но вовсе не бесчестен.

Если он кому-то что-то обещал, то делал, и если ему не хочется сопровождать женщин, это вовсе не значит, что он проигнорирует приказ.

Черт, с какой стати ему небезразлично, что она думает?

– Я больше нужен на западе, – сказал он Гордону. – Одному Богу ведомо, в какую беду угодит Максорли, если я не смогу за ним приглядывать!

Гордон рассмеялся, хотя Лахлан и не думал шутить. Эрик Максорли был лучшим из лучших среди мореплавателей и не упускал случая это доказать. В результате его вечно преследовали несчастья.

– Хм. А мне показалось – не иначе, как тут замешана графиня.

Лахлан прекратил сборы и воззрился на Гордона ничего не выражающим взглядом.

– И какой черт навел тебя на эту мысль?

Но если в его голосе и звучали предостерегающие ноты, Гордон их не слышал. Лахлан знал, что ступает на опасную почву. Гордон, похоже, мнит себя его другом, но у наемника Макруайри теперь не бывает друзей.

– Только слепой не заметил бы, что в прошлый раз вы с ней разошлись не лучшим образом. Казалось, ты готов... на нее наброситься.

Улыбка на лице Гордона почему-то задела за живое.

– Я очень быстро исправил положение, – солгал Лахлан. – Одна пара мягких ляжек ничуть не хуже другой.

Гордон покачал головой.

– Да ты прямо поэт, Макруайри! Если мне понадобится бард, я знаю, к кому обратиться.

Прежде чем Гордон успел задать следующий вопрос насчет графини, Лахлан велел ему собрать всех и привести в конюшню. Король решил, что дамы могут взять себе тех немногих лошадей, что остались. Брюс и горстка его солдат направлялись на вересковые пустоши и в горы, где лошади были бы лишней обузой.

Через несколько минут Лахлан присоединился к Гордону. Гнев его поостыл, но не улегся окончательно. Да и злился-то он скорее на себя самого – нужно научиться контролировать свои эмоции.

Зря он не внял собственной реакции после того случая в лесу. Образ обнаженной графини терзал его четыре долгих месяца, будь оно неладно. Боже, стоило лишь вспомнить про это, и тело приходило в боевую готовность. Он тогда крепился изо всех сил, чтобы не пожирать глазами каждый дюйм белого обнаженного тела цвета сливок, одного взгляда на которое было достаточно, чтобы начать сходить с ума. А груди... полные, упругие, идеальной формы, с тугими розовыми сосками. Только подумаешь о них, и уже слюнки текут. Таких, как Белла Макдуфф, мужчина рисует в своих горячечных фантазиях. Ни одну женщину в жизни он не хотел так, как хотел ее. Инстинкт подсказывал Лахлану, что после долгих лет воздержания он, наконец, встретил женщину, которая могла сломить его оборону.

Он сгорал от злости: на себя, на нее. Похоже, гром грянул. Он снова стал одержимым и осознал, что тут не только вожделение, но и кое-что другое, не менее тревожащее: страх. Кровь стыла в жилах, когда он представлял ее, такую незащищенную, в лапах этого ублюдка.

А как он ревновал, видит Бог! Да что это с ним, в самом деле? Ему следовало хорошенько подумать, прежде чем пасть жертвой собственной слабости. Ревность, подпитываемая похотью, однажды превратила его жизнь в ад. В тот раз люди доверились ему, а он поддался чувствам. И вот вам: его солдаты были перебиты, да и он сам потерял все. И теперь, когда очень близок

к тому, чтобы хоть что-то вернуть, он больше не пойдет по той же дорожке, спасибо большое. Столько положено сил, столько труда – нет, он не станет рисковать.

Лахлан прикинул вес кошелька с золотыми, что висел у него на поясе. Пока что Брюс держал свое слово, и Лахлан собирался держать свое. Как только подвернется оказия, это золото отправится на острова. Еще один платеж в счет долга, который он надеялся полностью выплатить за два с половиной года.

Что такого особенного было в Белле Макдуфф, чтобы задеть его за живое? Смелый язык? Роскошное тело шлюхи? Лахлан не знал. Набросить бы на нее мешок и держать так как можно дольше – то есть, видит Бог, целую вечность, – но нельзя, как бы ни был велик соблазн. Значит, ему придется избегать ее всеми правдами и неправдами.

Впрочем, Лахлан подозревал, что у него будет забот полон рот с его подопечными, чтобы сходить с ума по одной из них, какой бы соблазнительной та ни была.

Его подозрения подтвердились уже через несколько минут, стоило взглянуть на тех, кого ему предстояло охранять.

Проклятье!

Он, хорошо тренированный, закаленный в боях наемник, безжалостный и коварный, как ядовитая змея, несущий смерть, никогда не показывавший спину врагу – даже в самом отчаянном положении, – сейчас с радостью бы ушел... нет, убежал прочь!

Лахлан стал наемником не для того, чтобы возиться с женщинами и – о боже! – детьми. Король слишком много хочет от него. К черту долги, к черту земли! Никакого золота не хватит, чтобы он в это ввязался!

О господи! Трое детей, чтоб ему провалиться! А женщин вообще не сосчитать.

Ему стало дурно. Как, скажите на милость, благополучно провести такую толпу сотни миль по самой дикой части Шотландии, когда половина английской армии бросится за ними в погоню?

Белла Макдуфф как будто угадала его мысли. Испытующего взгляда ее синих глаз было достаточно, чтобы приступить к решительным действиям.

От него ждут выполнения этой непростой работы? Что ж, он ее сделает, черт возьми.

Вот только плечи сгибались под грузом ответственности. Лахлан повидал достаточно смертей.

С мужчинами сложностей не возникло: просто отдал распоряжения на первую часть их похода, – но на то, чтобы раздать лошадей, ушло гораздо больше времени, чем он рассчитывал, поскольку выяснилось, что многие дамы никогда не ездили верхом.

А у Лахлана, в свою очередь, не было опыта по части командования целой толпой женщин. Закаленные в боях воины не ведают нежных чувств, так что можно отдавать приказы без лишних церемоний.

Когда одна из дам отказалась садиться на могучего боевого коня вместе с Маккеем, Лахлан едва не взвыл от отчаяния. Так хотелось собственными руками зашвырнуть ее в седло и рывкнуть, что, если не сядет на треклятую лошадь, явятся англичане и сопроводят ее куда надо.

Помощь пришла, откуда он никак не ожидал. Графиня дотронулась до его плеча, и Лахлан замер, готовый взорваться от злости, но мягкое прикосновение немедленно возымело успокаивающее действие. Она подняла на него взгляд, и на миг он забылся в море синевы. Как же она красива! А ресницы! Длинные и пушистые.

– Может, я сумею помочь?

Он тут же вспомнил эту волнующую хрипотцу в ее голосе, обволакивающим, растекаясь по коже и пронзая до костей.

Когда она так на него смотрела – с сочувствием и добротой, – у него щемило в груди. Чувство было незнакомое и приводило в замешательство. Лахлан умудрялся оставаться в живых

так долго лишь благодаря острому чутью на опасность, а сейчас каждый нерв кричал об опасности.

Черт, он предпочел бы думать лишь о том, как бы затащить ее в постель.

Нельзя, чтобы она догадалась о силе своего воздействия на него. Он только и сумел, что кивнуть, хотя был благодарен ей куда больше, чем согласился бы признать.

Стоило графине произнести несколько подбадривающих слов – и капризная дама оказалась в седле вместе с Маккеем. Что до остальных леди, Белла, кажется, отлично знала, кто как ездит верхом, поэтому Лахлан охотно следовал ее советам, кого с кем посадить. И очень скоро – он и не думал, что получится управиться так быстро, – они выступили в путь.

Одна королева, одна принцесса, две графини, пять фрейлин, юная сестра короля, два графа – одному едва исполнилось четыре года, – и молодой рыцарь, которому не терпелось показать себя в деле, – и на всю эту ораву всего три воина Шотландской гвардии, которым предстояло защитить их от армии самого могущественного и мстительного короля.

Лахлан мог бы отмахнуться от нависшего над ним ощущения обреченности, да оно бежало вслед за ними, точно черная злоеца тень, по лесам и долам самой дикой части Шотландии, Форест-оф-Атоллу.

Глава 5

Сколько еще она способна выдержать? Белла не знала. Три дня, пока они спасались от англичан, одновременно пытаясь удержать добрую половину отряда от безумия и отчаяния, сделали свое черное дело: она была на грани срыва.

Белла твердила себе, что виной всему вечный страх: что, если они попадут в лапы англичан, – да еще нелегкая обязанность следить, чтобы никто не пал духом, особенно дети, – да еще смертельная усталость, когда целый день проводишь в седле, а ночью не спишь как следует.

Ее раздражение, конечно же, не имело отношения к человеку, который возглавляет их отряд.

– Я устала, – пожаловалась леди Мэри Брюс.

У Беллы щемило сердце, когда она наблюдала за девушкой, которая ехала рядом с ней. Каждый раз, глядя на Мэри, она вспоминала дочь. Девушки были почти ровесницы, хотя ничуть не походили одна на другую. Джоан была тихой и спокойной, а Мэри, напротив, смелой и бесшабашной. Темноволосая, как и Джоан, Мэри, будучи годом старше, уже обрела женственные формы. Постоянное напоминание о дочери причиняло нетерпимую боль, оттого ей отчаянно хотелось защитить младшую сестру Роберта.

– Я знаю, дорогая, знаю. – Они все устали, но нужно пробиваться к Килдрамми во что бы то ни стало, только там они будут в безопасности. – Не хочешь пересечь к Магнусу и передохнуть?

Только четыре женщины ехали самостоятельно: Белла, королева Элизабет, сестра Роберта Кристина и фрейлина королевы. Остальным дамам и детям пришлось то и дело пересаживаться – то они скакали в одиночку, то в седле с кем-нибудь из мужчин.

За долгие часы в дороге у всех выработались некие предпочтения. Четырехлетний граф Мар, сын Кристины Брюс от первого брака, обычно садился к ее новоиспеченному шурину, сэру Александру Сетону. Кристофер, второй супруг Кристины, не подавал о себе вестей после битвы при Метвене, и страшные мысли о том, что могло с ним случиться, повисли над ними черной тучей. Это был храбрый воин и выдающийся рыцарь.

Десятилетняя Марджори, дочь короля от первой жены, находилась под покровительством такого грозного на вид воина, каких Белле вряд ли доводилось видеть. Роберт Бойд родился и вырос почти на границе с Англией, и Белла полагала, что ни с английской, ни с шотландской стороны этой самой границы не нашлось бы великана столь же устрашающего вида. Если физическая сила что-нибудь да значила, тогда принцесса оказалась в самых надежных руках. Сэр Алекс был его товарищем по несчастью, поскольку брат Бойда тоже числился пропавшим или погибшим на поле боя.

Мэри сажал к себе Магнус или Лахлан – последний кажется, рад был ехать с кем угодно, кроме Беллы. Впрочем, она не замечала.

Мэри покачала головой.

– Не нужно. У меня пока есть силы. – Белла знала, чего та дожидается, и опасалась, что юная девушка успела влюбиться в их провожатого со столь сомнительной репутацией. На нее взирали огромные, темные, полные тревоги глаза, а голос скорее напоминал шепот. – Вы думаете, что с ними что-то случилось?

В голосе девушки Белле слышался страх, который вторил ее собственному, но она решительно помотала головой и сказала:

– Нет!

Но где же они? Их нет так долго! Слишком долго! После завтрака Лахлан, сэр Джеймс Дуглас и Уильям Гордон отправились на разведку, нет ли поблизости солдат неприятеля или других военных. На хвосте сидели не только англичане; за ними охотились еще и соотечествен-

ники-шотландцы. Мужчины постоянно выезжали на разведку по очереди, но никогда прежде не отсутствовали так долго.

– Ведь им давно пора было вернуться?

Кузина высказала вслух те же мысли, что терзали Беллу. Хотя Маргарет несколько отстала – узкая горная тропа почти не позволяла разъехаться двоим, – все же была неподалеку и слышала вопрос Мэри. Маргарет тоже выглядела встревоженной, а еще бледной и страшно напуганной, как отметила про себя Белла с беспощадной ясностью.

Белла чувствовала то же, хотя не подавала виду. Кто-то должен же быть сильным, подавая пример остальным женщинам и детям, и эта обязанность досталась ей. Они надеялись на нее, и она сделает все, чтобы поддержать их дух... даже солжет.

– Уверена, они скоро вернуться, – заверила она кузину. – Капитан предупредил, что их не будет до конца дня.

Мэри ответила ей взглядом, который говорил, что она не столь легковерна, однако обе промолчали насчет того, что день-то уже подходил к концу. Хорошо хоть стояла середина лета – единственное, что радовало в их скорбном положении: дождей почти не было, а ночью в горах хоть и прохладно, но терпимо.

Послышался стук копыт, и разговор оборвался. Кто там, друзья или враги? Сердце металось в окаменевшем теле. Оставшиеся с ними мужчины выехали вперед и выстроились в защитную линию. Их было всего четверо, и Белла понимала, что путешествие, возможно, подошло к концу.

«Боже милостивый, что с нами будет?»

Впереди из-за поворота дороги показались трое. Взгляд Беллы немедленно устремился к тому, кто ехал впереди, и, едва не закричав от радости, она закрыла глаза.

Сила ее чувства как раз и доказывала, насколько она привыкла полагаться на него. И никто не удивлялся этому больше, чем она сама. Лахлан оказался таким умелым и решительным провожатым, что ей даже не верилось, что такое возможно.

Для того, кто презрел свой долг вождя клана, он оказался на удивление умелым командиром. Не только умелым, вынуждена была она признать, но еще и сильным. Пусть остальные мужчины за исключением Уильяма его не жаловали, однако приказы исполняли беспрекословно. Может, он и беспринципный циник, но у него ясный ум, он уверен в себе и знает дело. Местность казалась непроходимой, но они уже проделали немалый путь, сумев при этом избежать встречи с бесчисленными отрядами, жаждавшими взять их в плен.

С ним они были в безопасности.

Белла научилась полагаться на него, но знала, что и он, в свою очередь, рассчитывает на нее, и подозревала, что подобное случается с ним нечасто. Кажется, в этом отношении они с Лахланом очень похожи.

Решительный и строгий в обращении с мужчинами, Лахлан не знал, как вести себя с женщинами и детьми. Чувствуя его растерянность, она пожалела его в самый первый день, и со временем они заключили молчаливое соглашение, порожденное необходимостью: он отвечал за безопасность, а она – за стойкость духа их отряда.

И пусть это была единственная причина, по какой он снисходил до разговора с нею, однако доказывать себе не значит заставить себя поверить. Хотела она того или нет, но ее влекло к этому человеку!

Когда мужчины подъехали ближе, кровь отхлынула от ее лица. Грязные, в разорванной одежде и в пыли, а темно-красные пятна могли быть только запекшейся кровью. Слава богу, раны выглядели неопасными.

– Черт, что стряслось? – спросил прежде, чем успели открыть рот остальные, Роберт Бойд, или Робби, как называли его мужчины.

– Засада, – мрачно ответил Макруайри. Дождавшись, пока стихнут вскрики, охи и ахи напуганных женщин, продолжил: – Они были на дороге в нескольких милях впереди.

«Были», – отметила про себя Белла.

– Сколько? – спросил Маккей.

Лахлан пожал плечами, зато Дуглас с гордостью объявил:

– Не меньше дюжины точно.

Комок подкатил к горлу: и все убиты!

– О них позаботились? – спросил Бойд.

– Еще как! Лично я прикончил пятерых, – похвалился юный рыцарь.

Белла легко догадалась. Кто убил остальных, даже гадать не приходилось.

– Кто это был? – спросил Магнус.

– Люди Комина. – Лахлан мельком взглянул на Беллу, словно хотел убедиться, что ее не сильно расстраивает тот факт, что расправились с посланцами ее мужа. – Но кто-нибудь их очень скоро обнаружит, так что нам придется ехать другой дорогой.

Белла едва сдержала стон отчаяния. Изменение маршрута не сулило ничего хорошего. Так называемых «дорог» в горах было мало, и отход с главной дороги означал передвижение по камням и кочкам, это в лучшем случае. В общем, к тому времени как Макруайри дал сигнал встать на ночевку, они все валились с ног от усталости.

Остановив коня, Белла была вынуждена ждать, пока кто-нибудь поможет ей спешиться. Маргарет тоже ждала, вот только, в отличие от нее, недолго. Белла как раз оглянулась, чтобы увидеть, как Лахлан протянул руки и обхватил девушку за талию, чтобы помочь сойти на землю. Выходило, что разбойник умел быть галантным – со всеми, кроме нее.

Когда Лахлан смотрел на ее кузину, в его взгляде сквозила почтительность. Совсем не так смотрел он на Беллу – со жгучим желанием, будто видел ее совершенно голой.

Грудь болезненно защемило, и Белла поспешила отвернуться, но боль не так-то легко оказалось заглушить.

Ей стало жаль, что на нее-то так не посмотрит больше ни один мужчина. Но это не вина Маргарет. Девушка мила и невинна и вполне заслуживает почтения со стороны Макруайри, а ее не назовешь ни милой, ни невинной.

Ей помог спешиться Магнус, после того как спустил на землю леди Мэри, которую крайняя усталость вынудила ехать с ним в одном седле, но нисколько не ослабила ее интерес к их командиру. Кажется, любезное обхождение Лахлана с кузиной Маргарет раздосадовало ее даже сильнее, нежели Беллу.

– Ваша кузина очень мила.

Белла едва сдержала улыбку: кажется, Мэри и не заметила, с каким кислым выражением лица это сказала, – и согласилась:

– Да, вы правы.

Казалось, Мэри пришла в голову некая мысль.

– Как вы думаете – правда ли то, что о нем говорят?

Глаза девушки так возбужденно горели, что Белла занервничала, поскольку знала, что некоторые женщины находят опасных мужчин неотразимо привлекательными, и главной приманкой как раз и служит дурная репутация.

Достанет же кому-то глупости и неосмотрительности! Как бы ей ответить, чтобы не возбуждать любопытство. По собственному опыту Белла знала, что задача не из легких. На таких, как Макруайри, женщины летят как мотыльки на свет. У бедняжек возникало желание проникнуть глубже, докопаться до жемчужины среди отбросов, пусть эта жемчужина и фальшивая.

Интрига и любопытство – вот что ими движет, и ничего больше. По крайней мере, так она решила для себя, поэтому ответила уклончиво:

– Думаю, что-то правда, а что-то преувеличение.

Мэри быстро взглянула на Лахлана.

– А насчет того, что он убил свою жену?

Белла вздрогнула, но тут же овладела собой и сурово проговорила:

– Вам не следует повторять подобные слухи. Разумеется, это неправда. Неужели ваш брат поручил бы охрану своих родных убийце собственной жены?

Девушка смущенно покраснела, но убедить ее было не так-то просто.

– Но ведь почему-то все об этом говорят.

Белла приподняла бровь.

– Как, по-вашему, он отреагировал бы на ваши слова?

Вряд ли Макруайри было дело до сплетен, но Мэри это знать ни к чему, а вот преподать урок следовало.

Мэри сделала большие глаза.

– Но я же по секрету... Вы ведь ему не скажете?

Белла сделала вид, будто размышляет, хотя губы кривились от едва сдерживаемого смеха: девушка выглядела по-настоящему испуганной.

– Не скажу, если пообещаете, что сегодня сразу после ужина отправитесь к себе и не будете подслушивать, о чем болтают мужчины.

Вместо того чтобы смутиться, Мэри вдруг захихикала.

– А знаете, их разговоры... весьма поучительны.

Белла изо всех сил старалась не рассмеяться: кто бы сомневался...

– Ну так что, договорились?

Девушка кивнула.

– Сегодня я так устала, что, наверное, усну раньше, чем лягу.

Белла отлично ее понимала: ей и самой не терпелось рухнуть на походную постель, устроенную из шкур и толстых шерстяных одеял: даст Бог, удастся наконец поспать.

Лахлан сидел в темноте в одиночестве, прислушиваясь к звукам леса. Стояла глухая ночь: часа два-три пополуночи, – его любимое время суток. Все в лагере давно спали.

Сегодня почему-то его одолевало беспокойство, и он сам вызвался дежурить, поскольку знал, что все равно не сможет заснуть. К тому же не давало покоя неутоленное желание.

Мыслями он был в одной из трех палаток, что стояли у него за спиной. К несчастью, его снедало не одно лишь вожеление. Он сердито вскочил с бревна, на котором сидел, и двинулся в обход периметра. Движение – вот что ему сейчас необходимо.

Сколько ни нагружал себя работой, пытался охладиться посредством озерной воды или – черт! – найти утешение у других женщин, ничего не помогало!

Вот, к примеру, ее кузина Маргарет: милая, невинная и бесхитростная. Такая никогда не доставит неприятностей. Глядя на нее, меньше всего он думал о том, чтобы затащить в постель. Ее личико было безмятежным, как у ангела, и у него не возникало искушения. Кровь не вскипала, тело не обмирало, настроение не прыгало, и было плевать на аромат дурацкого цветочного мыла, которым пахло от девицы сегодня утром. Ему и в голову не приходило, что он способен отличить лаванду от розы.

Маргарет могла целый день болтать с Маккеем или Гордоном, а ему было совершенно безразлично: мысли не путались, дыхание не сбивалось, руки не дрожали, как у юнца со своей первой женщиной.

С такой, как Маргарет, он бы никогда не терял самообладания и – видит Бог! – не знал, что такое ревность. По сравнению с гордой, смелой и яркой Беллой, которая, казалось, не упустит случая взбрыкнуть, Маргарет была милой, приятной девочкой, с которой нужно обращаться очень бережно... и умирать со скуки.

Лахлану было бы страшно даже прикоснуться к ней, такой робкой, точно котенок, не говоря уж о том, чтобы проделать те штуки, о которых он мечтал, едва взглянув на графиню.

Маргарет никогда не отважилась бы воевать во имя своих убеждений (пусть даже наивных), выполнять то, что полагала своим долгом, хотя и рисковала быть обвиненной в предательстве. Ей не достало бы сил воодушевить напуганных женщин и детей в таких условиях, когда в отчаяние впадали даже закаленные в боях воины.

Лахлан пробормотал ругательство, пробираясь между деревьями. Неудовлетворенное желание не давало ему покоя, но раздражало не только это. Он не сомневался, что здесь кроется что-то еще. И это что-то беспокоило по-настоящему.

Дьявол! Скорее бы вернуться на острова! Он, коренной островитянин, начинал сходить с ума, если приходилось торчать на суше, а здесь еще и эта женщина... Похоже, он и впрямь сошел с ума, если непрестанно думает о ней, хотя о женщинах позволительно думать только в спальне, иначе беда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.